

Т.О.Книжник

(Статья опубликована в сборнике Защитим имя и наследие Рерихов. – М.: МЦР, 2005. – Т. 3. – С. 403 – 454.)

«АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ» — УРОКИ, ВЫВОДЫ, ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ

«На последней ступени Носитель Света, неизменно, испивает чашу яда, чашу предательства со стороны ближайших. Так было, так и есть. Чем ярче Свет, тем гуще тьма... В истории каждого Носителя Света вписана трагическая страница черного предательства».
Е.И.Рерих

«Истинно, Культура нуждается не только в охране, но необходимо уметь сражаться за Культуру, тогда только человечество начнет выходить из своего одичалого состояния».
Е.И.Рерих

Разлад, происшедший в группе американских учеников Елены Ивановны и Николая Константиновича Рерихов в 1935 году, и дальнейшие печальные события — узурпация Луисом Хоршем нью-йоркского Музея Николая Рериха и содержащихся в нем бесценных полотен — оставили глубокую, незаживающую рану в душе Рерихов. Их глубоким убеждением было то, что свидетельства об этом чудовищном преступлении против Культуры должны остаться для потомков как предостережение. Ведь «если люди перестанут противиться злу, то хаос захлестнет их». Это история об извечной битве Света и тьмы, разыгрывающейся в человеческих сердцах, о мужестве и благородстве, о вероломстве и чудовищном моральном падении.

Итак, в сентябре 1935 г. Николай Константинович Рерих вернулся в Кулу из Маньчжурской экспедиции. На его рабочем столе лежала накопившаяся корреспонденция, в числе которой было и письмо Президента Музея Николая Рериха в Нью-Йорке г-на Луиса Хорша от 7 августа. В отличие от обычного восторженно-почтительного тона, свойственного этому господину, долгое время бывшему доверенным лицом Николая Константиновича, оно было необычайно грубым и исполненным упреков. Речь в нем шла о раскрытии какой-то конфиденциальной телеграммы Хорша (?), и под конец следовало следующее заявление: «Вы во всем попустительствуете Вашим обоим сыновьям и некоторым здешним сотрудникам, которые отплатили мне враждебностью и подрывом за тринадцать лет усилий достигнуть единения и преданной службы. Решительно заявляю Вам, что я более не потерплю этой вопиющей несправедливости».

Удивленный Рерих обратился к Хоршу с просьбой объяснить поконкретнее, о какой телеграмме идет речь и что он имеет в виду под «попустительством». И если ответа на первый вопрос он так и не получил, то в ответ на второй было получено письмо на официальном бланке Музея. Письмо это было наглым и язвительным.

«Уважаемые Профессор Рерих и г-жа Рерих, — писал Хорш. — В соответствии с моими недавними письмами и записями в Протоколах, хочу заявить вам на будущее, что ваши методы не есть мои методы, и что наши отношения подошли к концу. Мы более не признаём вашего руководства, и примирение между нами невозможно. У нас есть много причин придти к такому заключению.

Работая под вашим руководством, мы ожидали, что высокие духовные принципы будут претворены в жизнь, но, напротив, в работе мы испытали наиболее плачевные и отрицательные аспекты человеческих отношений и жизни. Под маской духовности мы наблюдали служение эгоизму и самовосхвалению. Ваш подход и действия по отношению к нам были крайне несправедливыми, и ни с чем несравнимо, как вы не оценили того, что я сделал ради вас, вашей семьи и работ, которые прославили ваше имя.

С настоящего момента мы будем вести работу по пути высших принципов и этики, согласно высшим идеалам. Если вы попытаетесь подстрекать против нас ваших любимых сотрудников, г-на и г-жу Лихтман (Зинаиду Григорьевну Лихтман — *Т.К.*), мисс Франсис Р. Грант или г-жу Шафран, то мы хотим вам заметить, что больше не потерпим подрывной деятельности, поскольку эти сотрудники, которых вы толкали против нас, сделали невыносимой нашу жизнь в последние тринадцать лет.

Поскольку г-жа Рерих отменила способ Указаний, назвав его “примитивным”, вам нет никакой нужды посылать нам какие-либо Указания через любой источник.

Искренне Ваш Луис Л. Хорш

P.S. Говоря “мы”, я имею в виду г-жу Нетти С. Хорш, меня и мисс Эстер Дж. Лихтман».

Письмо было датировано 27 сентября 1935 г. Когда будет составлена подробная хроника беспрецедентного в истории процесса «Рерихи против Хоршей», именно эту дату будут считать датой разрыва. Хотя на самом деле это был час, когда ядовитые семена, долгое время лежавшие в почве, дали свои первые ядовитые всходы. А пока ненадолго вернемся в прошлое, когда все лица, фигурирующие в этом письме, действовали как единое целое, и познакомимся с ними поближе.

Итак, в сентябре 1920 года Н.К. Рерих вместе с семьей прибывает в Соединенные Штаты по приглашению директора Чикагского института искусств с целью провести выставочное турне по городам США. Сразу же по

приезде Николай Константинович дает интервью американской журналистке Франсис Грант, посланной на встречу с известным художником журналом «Музыкальная Америка». В то время Франсис не придавала этому событию особого значения, однако судьба свела их еще раз — на рождественском вечере у общих знакомых, и эта встреча полностью изменит ее дальнейшую жизнь и направит ее в новое русло. От Рерихов Франсис узнает о Великих Учителях и решает присоединиться к их работе. Незадолго до этого, 4 декабря 1920 г., на открытии первой выставки Николая Константиновича в одной из художественных галерей Нью-Йорка Рерихи знакомятся с молодой четой музыкантов Лихтманов, подошедших к ним, чтобы выразить свое восхищение. Неожиданно для Зины и Мориса Рерихи приглашают их в тот же вечер к себе и делятся своими планами относительно будущей культурно-просветительной работы в Соединенных Штатах. Первая беседа произвела на Лихтманов неизгладимое впечатление, — все это было так необычно и пробуждало самые сокровенные мечты. Эти трое и стали первыми учениками Рерихов. Затем к ним присоединились мать Зинаиды Григорьевны — Софья Михайловна Шафран, сестра Мориса Эстер, а в 1922 г. бизнесмен Луис Хорш и его жена Нетти. Так образовалась группа американских сотрудников и учеников Е.И. и Н.К.Рерихов в составе семи человек — так называемый «Круг». Как символ ученичества они получили от Николая Константиновича перстни, а от Великого Владыки — эзотерические имена. Они были молоды (всем им, конечно, за исключением Софьи Шафран, было около тридцати или тридцать с небольшим), энергичны, и самое главное — их жизнь получила смысл. Приближение к Учению и Владыке открыло перед ними новые горизонты.

Все они были очень разные. Зинаида Григорьевна — Радна, «Страж верный» — волевая, решительная, необычайно работоспособная. Ее муж Морис (Авирах), в противоположность своей супруге — человек мягкий и деликатный. Франсис (Модра) обладала литературным талантом и была хорошим лектором. Нетти Хорш (Порума) имела мягкий характер и хорошо ладила с людьми. Эстер (Ояна) была умна, энергична, знала несколько языков. Луис Хорш (Логван), обладая сильным характером и прекрасными деловыми качествами, стал доверенным лицом Н.К.Рериха, приняв на себя руководство несколькими учреждениями, созданными Николаем Константиновичем.

И первым из этих учреждений стал Мастер-Институт Объединенных Искусств, основанный в Нью-Йорке 17 ноября 1921 г. (президент-основатель — Н.К.Рерих, президент — Луис Хорш, вице-президенты — Морис Лихтман, Франсис Грант, Зинаида Лихтман). В Институте обучали практически всем видам искусства — живописи, музыке, скульптуре, архитектуре, драматическому искусству, балету, доступ в него был открыт всем желающим, независимо от образования и возраста, существовали специальные классы для детей. Учащимся предоставляли возможность не только совершенствоваться на избранной ими стезе, но и проходить параллельное обучение в какой-либо другой области. Первые годы работа МИОИ проводилась под непосредственным руководством Н.К.Рериха, который привлек к ней

талантливых преподавателей и сам выступал с лекциями, беседовал с учениками. Во многом политика созданного им учреждения напоминала когда-то проводимую им в стенах другого учебного заведения — Художественной школы Императорского общества поощрения художеств в Петербурге — развитие творческого духа учеников, воспитание чувства Красоты и почитание всех ее проявлений. Зинаида, Морис и Эстер Лихтманы преподавали по классу фортепиано, а Франсис Грант вела курс журналистики.

В 1922 году Николай Константинович основал Международный художественный центр «Корона Мунди» («Венец Мира»). (Почетный президент — Н.К.Рерих, президент — Луис Хорш, вице-президент — Морис Лихтман, исполнительный директор — Франсис Грант.) Его основными целями были провозглашены следующие: проведение выставок — в галереях, на предприятиях, в школах, даже в госпиталях и тюрьмах, а также в удаленных сельских районах; помощь музеям в комплектовании фондов через пожертвования и взносы; организация художественных и археологических экспедиций; каталогизация и систематизация коллекций, художественная экспертиза и реставрация произведений искусства. Центр начал свою работу с открытия выставки произведений Николая Константиновича, созданных в США, в нем постоянно выставлялись работы современных американских и зарубежных художников. После отъезда Н.К. и Е.И.Рерих в Индию Центр возглавил Святослав Николаевич Рерих.

И, наконец, 17 ноября 1923 года в Нью-Йорке был основан Музей имени Николая Рериха, содержащий богатейшую коллекцию картин художника, в которую в скором времени вошли практически все его произведения, созданные за период Центрально-Азиатской экспедиции, а также выставлявшиеся во время американского турне. Всего в нем насчитывалось около 1000 полотен. Музей возглавил Луис Хорш, а Морис Лихтман, Франсис Грант и Святослав Рерих были избраны вице-президентами. Его почетными советниками являлись передовые деятели науки и культуры со всего света, среди них были Альберт Эйнштейн, Роберт Милликан, Рабиндранат Тагор. Музей постепенно расширялся, превращаясь в активно действующий культурный центр, и в 1929 году переехал в новое, специально выстроенное здание — 29-этажный небоскреб. Тогда же Совет Директоров принял декларацию о передаче Музея в дар народу Соединенных Штатов Америки.

После отъезда Рерихов в Индию в мае 1923 года их ученики регулярно переписываются с ними, рассказывая о работе учреждений и, в свою очередь, получая советы и наставления. Но это не было расставанием. В 1926—1927 гг. Зинаида и Морис Лихтманы принимают участие в Центрально-Азиатской экспедиции Рерихов, пройдя с ними по Алтаю и Монголии, побывав в Москве и Новосибирске. В августе 1928 года Зинаида Григорьевна и Франсис Грант приезжают к Рерихам в Индию (Дарджилинг) и проводят вместе с ними около трех месяцев — до начала ноября. Сам Николай Константинович трижды посещает Соединенные Штаты: в начале ноября и по 10 декабря 1924 года, с 17 июня 1929 г. по 8 апреля 1930 г. и с 16 марта по 22 апреля 1934 г. В марте 1930

года к Елене Ивановне в Кулу на несколько месяцев приезжает Нетти Хорш. И, наконец, у нее дважды гостит Эстер Лихтман: в 1929—1930 гг. и с 3 января 1934 г. до первых чисел февраля 1935 г. (оба раза ее визиты частично совпадали с отъездом Н.К. и Ю.Н.Рерихов — первый раз в Европу и США, а второй — в Маньчжурскую экспедицию).

К сожалению, не все в группе складывалось благополучно, отношения между сотрудниками нередко оставляли желать лучшего. Как иронично заметила сама Елена Ивановна, взятые по отдельности — все они были прекрасными людьми, но стоило свести их вместе, как сразу же начинали выявляться далеко не лучшие качества... Так, Зинаида Лихтман, несмотря на свою искреннюю преданность Учителям и бескорыстие, оказалась очень властной и ревнивой натурой; Франсис — постоянно обижалась на всех и вся, была очень медлительна в работе и требовала к себе исключительного отношения; Хорши были слишком честолюбивы и никогда не упускали случая подчеркнуть, *сколько* они пожертвовали на учреждения, основанные Н.К.Рерихом. Эстер Лихтман, или Свидетельница, как называл ее Учитель, держалась более достойно, нежели остальные сотрудники, — быть может потому, что язва в ее душе таилась слишком глубоко и потребовались годы, чтобы она вышла наружу.

При изучении истории разрыва, будут неизбежно рождаться вопросы, и первый из них: неужели Рерихи при всей своей мудрости и предвидении не сумели распознать будущих предателей? Почему Учитель не предупредил их, а напротив, всегда очень высоко отзывался о Хоршах, называя Луиса «Рукой Фуямы», а Нетти — «Глазом Урусвати», то есть фактически заместителями Рерихов в Америке? Почему именно Эстер единственная из всех учеников имела возможность тесного общения с Еленой Ивановной, подолгу живя в ее доме?

Давайте попытаемся найти ответы на все эти вопросы. Еще Е.П.Блаватская в XIX столетии неоднократно писала о непреложном оккультном законе, согласно которому у вступившего на путь духовного совершенствования начинают усиленно проявляться качества, которые иначе остались бы сокрытыми, и, может быть, до следующего воплощения, качества как хорошие, так и дурные. И если при обычной жизни как-то удастся скрывать или подавлять свои дурные наклонности, то теперь обладателю этих качеств придется бороться с ними во сто раз сильнее, чем раньше. Из «Писем Махатм», да и из многочисленных эпистол самой Е.И.Рерих, адресованных изучающим Живую Этику, известно, что число устоявших на этом пути не столь велико, поэтому едва ли можно было ожидать, что все семеро американских учеников пройдут свой путь с неослабевающим рвением, ни разу не уклонившись от него и не поддавшись многочисленным искушениям. К тому же нельзя забывать о другом фундаментальном законе, распространяющемся на все сферы человеческой деятельности, — законе *свободы воли*, дарующем каждому человеку право на выбор в той или иной жизненной ситуации. Иными словами, изначально существовала возможность, что Эстер Лихтман и супруги Хорш

сделают «правильный выбор» и с честью пройдут все уготованные им испытания.

Предоставим слово самой Елене Ивановне. «Вспоминается мне, — пишет она, — как еще в 23-м г[оду], при отъезде О[яны] из Пар[ижа] в Нью-Йорк было Сказа[но] ей: «О мяч судьбы! Куда попадешь и куда отскочишь? Свет тебе начертан — успевай, мя[ч], долететь! Удержи лукавое вращение!» Она тогда очень обеспокоилась этим. И, как видите, уже тогда было отмечено ее лукавое вращение. Тогда же я видела ее изнемогающей под принятой на себя ношей...» Слова эти вошли в хорошо известную нам книгу «Озарение». Далее: «Вспоминается мне печальный эпизод во время первого пребывания О[яны] в нашем Ашраме. Эпизод этот порвал первые нити между ею и мною. Случилось это приблизительно в феврале 31-го года, когда ею было получено письмо от Ав[ираха], извещавшее ее о крахе банка, где лежали ее деньги. Известие это очень потрясло ее. Мы с Н.К. старались ее успокоить и подбодрить. Немного погодя, когда она пришла ко мне и снова начала говорить о своей потере, я заметила ей, что нам, приближенным к Вл[адыке], непристойно так уж печаловаться о потере денег. Все, что нам нужно, посылается. На это она ответила: «Владыка где-то далеко, а нам всем придется кончать жизнь в пурхаузе»¹. Помню, как больно резанула меня эта фраза, и как остро почувствовала я, что, действительно, Владыка для нее «где-то далеко». С этого момента началось постепенное отчуждение. Так было положено начало порывания нитей в конце первого ее пребывания в Ашраме».

Совершенно очевидно, что пути Эстер Лихтман не раз пересекались с путями Елены Рерих в прошлых воплощениях. В другом письме Елены Ивановны, написанном ею уже на исходе жизни, в 1950-е годы, мы находим строки, которые исчерпывающе объясняют явление Э.Лихтман: «...Четырежды предала она смерти меня и мужа моего. Клеймо огненное выжжено было на ее лице — так было Показано мне в видении страстном. Клеймо это не заживляемо. На сей раз она была допущена, ибо страстно стремилась искупить свою вину перед В[еликим] Вл[адыкой]. Великое доверие было оказано ей, но ярая не выдержала, и во второй свой приезд в Ам[ерику] допустила одержание и совершенно подпала под власть темных сил, но уже безвозвратно». Из этих слов можно заключить, что для Эстер встреча и сотрудничество с Рерихами были последним шансом на искупление, и шансом щедрым. И еще один фрагмент документальных материалов из готовящегося ныне к изданию пятого тома писем Е.И.Рерих, подтверждающий эту версию: «Самое тяжкое преступление совершила белокурая, ибо она была спасена когда-то от ужасной болезни и тогда поклялась послужить Вел[ико]му Бр[атству]. Ей была дана эта возможность, можете сами судить, как она послужила».

В отличие от Эстер о «кармическом прошлом» Хоршей нам практически ничего не известно, кроме того, что, как пишет Елена Ивановна, «во всех прошлых жизнях они получали от нас». И в письмах Е.И., и в дневниках Зинаиды Лихтман мы неоднократно встречаем упоминания о том, что Хорш

---

¹ Poor-house (англ.) — богадельня. По иронии судьбы именно там и закончит свою жизнь Эстер Лихтман.

имел очень ответственную и важную миссию, но (об этом указывал и его гороскоп) был из тех людей, которых в жизни ждало или необычайное возвышение или чудовищное падение. Его судьба как раз явилась олицетворением хорошо известного оккультного явления, когда человек, не сумевший преодолеть отрицательные качества своей натуры, срывается на самом пороге последнего достижения. Алчность и честолюбие, присущие Хоршу, затмили все его положительные черты и стали теми гирями, которые перевесили в сторону падения. Еще в самом подходе Луиса Хорша несколько знакомых Николая Константиновича были крайне удивлены его общением с этим господином. Поначалу Рерих отнес это за счет юдофобии, однако оказалось, что уже тогда репутация Хорша была подмочена - он не брезговал финансовыми спекуляциями. Его жена Нетти, по-видимому, как-то сдерживала его, но и сама очень любила деньги. Особенно же ей хотелось создать безбедное существование своим детям. Когда она теряет свою маленькую дочь Ориолу, умершую от тяжелой формы астмы, и Елена Ивановна обращается к Учителю с просьбой о помощи, Тот отвечает, что через несколько лет девочка вновь воплотится в семье Хоршей, но Нетти нельзя иметь детей — это усилит и без того присущее ей корыстолюбие. Тогда эти слова очень удивили Елену Ивановну, которая с большой нежностью, просто по-матерински, относилась к Нетти Хорш и ее детям и, как мы видим из ее писем, до последней минуты верила, что та одумается. Трудно строить какие-либо предположения, но возможно, что личная трагедия Нетти и Луиса Хоршей — смерть дочерей (в 1923 г. и 1929 г.) также сыграла свою немалую роль в будущем разрыве: втайне они могли упрекать Рерихов за то, что те при их знании и предвидении не смогли предотвратить случившегося несчастья.

Если мы обратимся к документам, хотя бы к дневникам Зины, то увидим, что уже в марте 1923 года Елена Ивановна, советуя ей и ее супругу Морису быть крайне осторожными с Хоршами в силу их честолюбия и коммерческих склонностей, предчувствует будущие трения. А в 1924 году во время приезда Н.К.Рериха в США Зина фиксирует в своем дневнике следующую небезынтересную деталь: «...Логван вскользь заявил, что просит Н.К. дать ему письмо, в котором тот благодарит Логвана за отсрочку ему долга на 10 лет! То есть, что Н.К. должен ему какую-то сумму! Сразу Н.К. и я почувствовали в этом скрытую опасность!» (24 ноября). Сам Луис объяснил свою просьбу тем, что это письмо ему нужно для уплаты налогов, он с кем-то судится, и его все время проверяют. «Мы все против этого, — пишет Зина, — ибо предыдущие видения говорили об осторожности с подписыванием бумаг. Н.К. перед отъездом из Америки в прошлом дал Логвану кучу векселей на деньги, которые Н.К. якобы ему должен, и тут же Логван выдал ему письмо, что он ему ничего не должен. Какая-то фиктивность!» В 1929 году, когда Н.К. приезжает в США на открытие нового здания Музея, Хорш заявляет ему, что хотел бы получить все свои вложенные деньги с процентами (900000\$). Остальным пораженным сотрудникам Н.К. запрещает «даже заикаться ему об этом», иначе они нарушат «его карму, а он должен ее пройти» (4 июля 1929 г.). Тогда же он отмечает

нездоровую атмосферу, царящую в доме Хоршей, «атмосферу психической инфекции и неверия в Учителя». И уже в 1934 году, в свое последнее посещение Америки перед Маньчжурской экспедицией, Н.К. видит их неискреннее поведение и стремление захватить все дела в Учреждениях в свои руки. Наконец, тоже в 1934 году, во время пребывания Эстер в Кулу Елена Ивановна несколько раз «ловит ее с поличным», видя, как та исправляет полученные письма Хорша, вычеркивая в них слова, а то и отрезая целые фразы, ссылаясь на то, что эти фрагменты личного характера и ей неловко, чтобы их читали другие люди.

Поэтому говорить о том, что Рерихи не смогли разобраться в истинной природе своих сотрудников и не видели, кто перед ними, бессмысленно. Они прекрасно сознавали всю атмосферу внутреннего разъединения, царящую среди их американских учеников, — созданную не без участия Зины и Франсис, — и понимали, что долго так продолжаться не может, нарыв должен обязательно прорваться. Однако *что* именно произойдет, оставалось неясно до последнего. Только после возвращения Эстер в Нью-Йорк события стали развиваться с чудовищной быстротой.

Итак, в первых числах февраля 1935 года изнывающая от уединенной атмосферы гималайской долины Эстер покидает Кулу, воодушевленная предстоящей деятельностью. Тогда же, в феврале, Владыка указывает Елене Ивановне, чтобы Луис Хорш и Эстер вошли в личный контакт с Генри Уоллесом, министром земледелия США и протектором Пакта Рериха, и работали с ним по Постоянному Комитету Пакта. (В апреле должна была состояться ратификация этого документа.) До этого с ним общалась только Франсис Грант, которая, откровенно говоря, не слишком хорошо справлялась с порученной ей миссией: вместо слов Учителя она могла передать свои собственные домыслы, стеснялась произнести достойные слова о Н.К.Рерихе и никогда не сообщала Е.И. всех подробностей бесед. В связи с этим важным поручением Эстер берет с собой письмо Е.И. к Уоллесу, а также несколько чистых листов бумаги с ее подписью — на случай, если в английском изложении окажутся неудачные обороты и будет нужно их исправить. По дороге в Америку она посещает Европейский Центр при Музее Николая Рериха, расположенный в Париже. (Уже долгое время этот Центр не получал положенных ему субсидий из Нью-Йорка и держался целиком на личные средства самих Рерихов и пожертвования частных лиц. Хорш все время говорил о том, что это учреждение никому не нужно и является лишь обузой. К такому же выводу приходит и Эстер.)

Уоллесу Хорш очень понравился, его собранность и деловитость составляли приятный контраст с неорганизованностью Франсис, к великой ревности последней. В апреле Хорш посылает Елене Ивановне в Кулу телеграмму, о том, что ратификация Пакта переносится в Белый Дом, и Владимир Шибаяев, секретарь Н.К.Рериха, по недосмотру включает ее в отчет, который отправляет в Нью-Йорк. Сама по себе ничего секретного или обидного эта телеграмма не заключала, но получилось так, что Франсис, немало

потрудившаяся в этом направлении, узнала о ней постфактум, и с ней приключилась настоящая истерика. Бедной Елене Ивановне пришлось послать ей немало утешительных писем.

Тем временем вскоре после ратификации Пакта Хорш решил отправиться на пару месяцев в Северную Европу ради установления новых деловых связей. Эстер неожиданно вызвалась его сопровождать. Елена Ивановна эту идею одобрила, понимая, что Хоршу необходим некоторый отдых, и путешествие будет ему полезно. В дороге путешественники были крайне скупы на известия, — судя по всему, Луис подпал под воздействие Эстер, — однако Елена Ивановна поразительно спокойна. «Как известно, — пишет она мужу, — когда люди вступают на путь духовного продвижения, то все их хорошие и дурные энергии или чувства выявляются со всею силою, вот это и происходит со многими работниками. Поставленные высоко заносятся так, что со страхом смотришь, как бы не сверглись с этой высоты. Вижу замечательные сны, являющие скульптуру духа близких и дальних сотрудников! Вл[адыка] называет их ясновидением. Но, как сказано, нужно знать природу сотрудников, как же иначе строить. Пока что не знаю, вернется ли О[яна], конечно, Вл[адыке] виднее. Очень уж мало гармонии между нею и Св[етиком] и Яр[уей], кроме того, упоение возможностью действовать и *фигурировать* кружит голову. ...Карма работает замечательно, мудрее мудрого. Так и будем продвигаться под Щитом Вел[икого] Вл[адыки]. И вздернутая чаша весов примет свое положение, когда сидящие в ней выполнят свою миссию, но сейчас было бы губительным опускать ее насильственно. Все придет в должное положение. Когда нужно достичь определенного результата, всегда ведь употребляется однородная или одна энергия и в одном направлении. Вот сейчас и приходится спокойно смотреть на это самовозношение».

Последнее письмо Луиса Хорша Е.И.Рерих:

Нью-Йорк, 8 июня 1935 г.

Моя возлюбленная Мать,

Мы только что возвратились из нашего путешествия и нашли несколько Ваших писем, ожидающих нас.

Отчет посылаем Вам отдельно. Во время моей поездки за границу я пытался завязать новые отношения с Учреждениями, время покажет результаты.

В ответ на Ваше письмо о том, что Вам жаль, что мы лишили Модру доброй вести о подписании Пакта в Белом доме, хочу заявить, что местные условия требовали немного придержать эту весть, пока все не будет полностью устроено и подтверждено. Только Вам мы телеграфировали раньше эту строго конфиденциальную весть.

...Я заметил по Вашим последним письмам, что Франсис и Г[алахад] высоко ценятся за их достижения. Вы также упомянули в последнем письме, как можно было отстранить Франсис от работы по Пакту, от экспедиции и от Канзаса. Но Франсис полностью занимается делами экспедиции, Пакт

обсуждается на всех собраниях Попечителей, Канзасом руководит также она, так что ее не отстраняли.

Что касается Вашего призыва к Единению, то здесь никогда не было никакого Единения, даже когда Т[ара] и Г[уру] были тут.

Франсис с самого начала была причиной неприятностей, и все, порученное ей, должно было выправляться и переделываться нами. Если упомянуть недавние события, то, если бы не мы, имя было бы в Пакте опущено, не было бы Конвенции, на которой было представлено 35 Правительств, и Вы сами знаете, как была подготовлена экспедиция.

По последним письмам видно, что, несмотря на наши огромные усилия и успех, Вы потеряли доверие к нам, и, похоже, отстаете Франсис. Перемена Вашего отношения к нам заметна по письмам и по Протоколам.

Я честно пишу Вам об этом деле ввиду моего высочайшего уважения к Вам. Мы прилагаем все наши усилия и сердце, чтобы выполнить доверенную нам Миссию и прославить имя У[чителя], и очень огорчимся, если внешние влияния затруднят и замутят наши прекрасные взаимоотношения.

С глубочайшей любовью и Почтением, остаюсь Вашим сыном,
Логван.

Эстер по-прежнему хранила молчание. Почему? Долгое время находясь вблизи Е.И. и в силу этого много продвинувшись в духовном отношении, она многое чувствовала и иногда сама могла записывать сообщения Учителя. И вот в один прекрасный день ей приходит в голову мысль: зачем ей, такой продвинутой, умной и энергичной особе, перед которой открылась возможность приближения к правительственным кругам, к самому президенту, нужны «посредники» вроде Н.К. и Е.И.Рерихов, к тому же живущие в далеких Гималаях? Ее тщеславие настолько затмило здравый смысл, что мысль о том, а могут ли Владыки Света нарушать установленную Ими Иерархическую линию, похоже, так и не пришла ей в голову. И здесь ее медиумизм сыграл с ней злую шутку: голос, который она принимала за голос Учителя, таковым не являлся. Новым «Владыкой» оказался не кто иной, как могущественный Иерофант зла, известный под именем Конрада Рудендорфа. Отдельные упоминания об этом персонаже встречаются в очерке «Сны и видения» (см. Е.И.Рерих. У Порога Нового Мира. М., 2000), а также в дневниках З.Г.Фосдик («Мои Учителя»). Он уже не однажды пытался нанести удар Е.И. и проникнуть в сердце всех дел, и на сей раз ему несказанно повезло.

«Сейчас должна была с Одобрения отослать сильное послание к сплоченной тройке, возглавляемой бел[окурой] особой, с предупреждением, что «вне Трех Щитов — бездна!» — пишет Е.И.Рерих. — Самоутверждение этой особы может пагубно отразиться на делах. Очень уж хочется ей усесться на неподобающее ей место и всюду, где только возможно, намекнуть и выдать себя за непосредственное звено с Первоисточником. Вот почему прошу Вас сильно писать о Ручательстве и о всем, получаемом Вами, и т.д. Чую большое возмущение в сердце Вл[адыки]. Конечно, мы поставим ее на место. Мощь

Вл[адыки] велика. Истинно, человеческая душа — бездна, и, как сказано в «Письмах Мах[атм]», «тот, кто сегодня одобрен и возвеличен, при новых обстоятельствах, поставленный в новые условия, может оказаться глупцом, неблагодарным и предателем...». Все эти прекрасные и оздоравливающие сентенции я преподношу в моих общих письмах. Пусть и окружающие настораживаются. Вл[адыка] обещал явить и прояснить понимание Порумы, этот носик тоже задрался не по времени. Конечно, я знаю, *что* лежит в основе всего зла, но это расскажу при свидании».

Из приведенного отрывка видно, что Елена Ивановна все-таки не теряет надежду образумить Эстер. И действительно, 12 июня она отправляет «тройке» следующее письмо:

«Мои дорогие Воины, последняя почта снова не принесла мне вестей от О[яны] и Л[огвана], и поэтому так значительно было Указание несколько дней назад послать телеграмму О[яне] с просьбой чаще присылать информацию и подробности. Но теперь они, должно быть, уже вернулись и устремятся выполнить самое важное и неотложное...

Времена грозные! Именно эта опасность заставляет меня писать столь сурово. Только в полном единении с Тремя Щитами сможем пересечь пропасть. Поэтому В[ладыка] столь сурово указывает всем на *вред и опасность утаивания подробностей и информации*. Особое знание фактов и деталей и величайшая осторожность крайне необходимы, так как помните, мы идем по тончайшему льду над водяной бездной, как мне было показано в символическом видении.

...Неужели возможно, мои родные, чтобы из-за глупости и, возможно, черных нашептываний обитателя порога мы начали отбрасывать Щиты? Что тогда произойдет со всеми делами? Да, мне известно про внутренние условия (неблагополучные), ясновидение определенно показало мне, в чем причина, — поэтому я так печальна. Мое сердце говорит мне, что Облик Владыки также затуманен. Нет понимания всей мощи, великой мудрости и непреложности Указов! Я знаю, что сейчас *происходит великое испытание*, и мое сердце переживает, чтобы каждый прошел его успешно, чтобы ни один не провалился. Вспомните, родные, времена Теософского движения — давайте не будем повторять грустные страницы его истории. Я вспоминаю письмо Е.П.Б. Синнетту, в котором она пишет, что именно тот факт, что ее сотрудники не оповещали ее о многом происходившем, вызвал многие тяжелые последствия. Неужели возможно, чтобы именно теперь, когда Владыка так мощно настаивает, чтобы меня осведомляли возможно полнее, вы пойдете против его Приказа? Можно ли тогда надеяться на успех? Каждое уклонение от Иерархической линии тяжело отразится на всем. Мне больно и тяжело писать это, но я считаю своим священным долгом предостеречь ближайших об опасности, которая угрожает им. Еще один цикл в жизни всех сотрудников и нашей работы подходит к концу, после чего последует новая перестановка сил. Многое было показано мне Владыкою путем ясновидения и яснознания. Родные мои, умоляю вас придерживаться Пути, никто не может думать о

преданности Владыке, отбрасывая Щит Ур[усвати]. В час, когда мы пересекаем тончайшую корку льда, мое сердце особенно взывает к моей дочери и просит ее проявить понимание. Мне Указано писать сурово, и мое сердце скорбит. Будущее может быть таким прекрасным и сияющим великими возможностями — неужели возможно, чтобы мы упустили их?!..

Надеюсь, что это послание найдет открытые сердца.

С грустью».

Помимо письма Е.И. отправляет в Америку телеграммы с просьбой присылать ей все «указания», дающиеся через Эстер. С величайшей обидой Луис и Эстер сообщают Е.И. о том, что на одной из встреч с Уоллесом под видом Указания от Владыки ему был преподнесен финансовый совет. При этом они сослались на то, что сделали это якобы из-за плохой работы почты и невозможности снести с Е.И.

«Мое беспокойство относительно того, что было передано вами при последнем свидании с г-жою М. (Г.Уоллесом — Т.К.), как исходящее от Высшего Источника, вполне оправдалось, — пишет Е.И. «тройке» 26 июня. — Вы, конечно, знаете или должны были бы знать, что никогда В[еликие] Уч[ителя] не вмешиваются ни в какие финансовые операции. Иногда даются предупреждения, если дела могут косвенно пострадать, но и то в очень осторожных намеках... Потому вмешательства и советы, заключающие в себе финансовые операции, никогда не могут исходить от Вел[иких] Уч[ителей], ибо они воспрещены Их Законом. Если вы собираетесь передавать такие советы, то я утверждаю, что В[еликий] Вл[адыка] запрещает выдавать их, как исходящие от Высшего Источн[ика] или из Ашрама. Такие советы могут идти исключительно только от самого Л[огвана] на его личный риск и полную личную ответственность. Сказано: «Никогда Моя энергия не руководила явлениями спекуляций». О[яна] должна помнить мою беседу с нею о том, что Л[огван] может быть полезен своим знанием некоторых финансовых вопросов, но никогда не предполагалось, что подобные советы будут исходить от самого Уч[ителя]!!! Из Высшего Источника могут даваться советы по основному строительству, но не по финансовым спекуляциям. Думаю, что теперь вам станет ясна причина повторных Указаний Уч[ителя] о присылке мне Сообщений, якобы вами получаемых, и моя страшная тревога, и вы примете это во внимание.

...Будьте уверены, что нет ничего точнее оккультных законов, и каждое наше действие, каждая мысль и прежде всего побуждения зарегистрированы, как я уже много раз писала, на нашей ауре, кроме прочих рекордов, хранящихся в Башне, потому не следует беспокоиться, что действия и побуждения сотрудников могут остаться недооцененными по достоинству. Давно сказано и повторено: «что каждый сам отмерит свой кусок».

...Также крайне прискорбно было получить на мой призыв к единению заявление ваше, что единения этого вообще никогда не существовало, точно бы кто-то хочет утвердить всю невозможность его. Но я протестую, ибо помню

часы и дни такого единения и, конечно, сердце мое скорбит сейчас больше, чем когда-либо, от осознания, сколько возможностей ушло и еще уйдет в силу создавшегося разъединения между сотрудниками, а сейчас от срывания Щитов рукою ближайших!

Прошу Вас верить, что я очень была признательна за всю проявленную Вами зоркость и старание охранить имя. Мы все работаем для Вел[икого] Плана Общего Блага и все дела связаны с именем, потому прямая обязанность каждого из нас приложить все лучшее умение. Каждый удар по имени есть удар по щиту дел. Еще раз повторяю, что нет точнее весов, нежели те, которые мы сами носим при себе, потому не может быть недооценки.

Поверьте, Вл[адыка] знает, что и как и кем делается, и когда находит это нужным, то раскрывает мне сущность происходящего. Я знаю и слышу очень многое, и сердце мое полно слез. В ночь по получении Ваших писем и вложения на Ел[ену] Рерих сообщения от якобы Вл[адыки] мне было сказано: «Моя наместница являет Мою Руку». Так от самого начала я была названа Доверенной Вл[адыки], и с тех пор неоднократно подтверждалось это иерархическое звено. И сейчас еще с большей силой идут подтверждения Иерархического Начала. И как показывает действительность, повторные и мощные утверждения эти имеют серьезные основания. Именно, все неблагополучие было и есть по иерархической линии. И так же, как Л[огван] сообщает мне, что единения никогда не существовало, так же точно я могу сказать, что и понимание основ Иерархии тоже, видимо, отсутствовало. Но закон этот непоколебим, и никогда Вл[адыка] не нарушит его, ибо это было бы равносильно опрокидыванию всего построения Б[елого] Бр[атства] и Их Учения. И Вы должны помнить, что оккультизм имеет дело с Душой, с внутренним человеком, и, следовательно, никто не может пренебрегать этими законами и безнаказанно нарушать их. Так, никогда не думала я, что мне придется именно ближайшим напоминать, что все приближение их к Вл[адыке] явилось в силу моей близости к Вл[адыке]. Также, что Океан Учения давался и дается здесь при моем посредстве. Великий священный мантрам и поручение о построении Нов[ой] Страны заложено в основание Дом[а] было прислано на мое имя. Все священные знаки, носительницей и хранительницей которых я являюсь, были адресованы мне и Ф[уяме]. Также и последняя величайшая маниф[ес]тация, появляющаяся перед наступлением Великого Цикла, находится при мне! Потому я, имея доверие и Ручательство и Утверждение 77, стою на своем посту и буду следовать данным мне Указаниям».

Вскоре пришло письмо от Эстер, похоже, сильно задетой за живое просьбой Е.И. показывать ей все сообщения «Учителя». Все ее письмо, а это было последнее письмо перед разрывом, пронизано духом недоумения: что же такое может произойти, если она напрямую связана с Владыкой?

Последнее письмо Э.Лихтман Е.И.Рерих:

10 июля 1935 г.

Моя Возлюбленная Мать,

Ваша телеграмма насчет наших Указаний открыла нам новое развитие, что настолько противоречит всему тому, что происходило в прошлом по этой линии. Поскольку в прошлом Вы всегда подчеркивали, что неважно, кто или что будет средством в нашем окружении, мы равно должны принимать Волю В[ладыки], которая поступает через тот или другой канал.¹ В течение нескольких последних лет Владыка даровал нам Свое Доверие, позволив нам говорить. Безграничной была его помощь во время самых тяжелых месяцев и лет судебных тяжб, и в период Конвенции, поскольку единственно через Указания В[ладыки] было спасено Здание, и завершено много других дел. Конечно, ничто никогда *не* разрушит и *не сможет* разрушить нашу веру во Владыку, поскольку мы носим Образ Владыки в наших сердцах. Подобно тому, как мы верим Голосу Владыки, который проявляется через Указания, даваемые нам. Воля Владыки всегда будет оставаться для нас Высшей.

В последнем письме Вы предупреждаете нас об опасностях, идущих от позволения сердцу огорчиться. Именно высшая Любовь к Владыке и вера в Него хранила от огорчения наши сердца все эти самые трудные годы нашей работы с нашими сотрудниками, поскольку не было ничего другого радостного или возвышающего в выполнении работы вместе с некоторыми душами, чьи действия были далеки от действий простых человеческих существ в простой человеческой среде, где основой являются человечность, честность и сотрудничество.

Ради любви к Владыке и нашей преданности Вам мы выстояли под всем давлением, сохраняя пылающую Веру в каждое слово Владыки.

С глубочайшей любовью,
Ваша Эстер

«Да, людская натура — бездна! — пишет Е.И. мужу и старшему сыну Юрию о происходящем. — ...Выявление истинных ликов так ценно. Интересно отметить, что еще 18 февр[аля] я слышала: «Разрыв неминуем». Да, это верно. Я всем сердцем чувую, что еще один цикл подходит к концу, наступает новый с новым распределением сил. ...«Предатель зафиксирован». Да, все точно было указано и отмечено с самого начала. Лишь все забывалось. Я была поражена происшедшей разницей в О[яне]. Истинно, нувориш. ...Так, приняв все во внимание, придется действовать очень твердо и, главное, самостоятельно. Нужно положить твердую цель — найти новых сотрудников, которые обещаны. Но нужно отрезать тянущийся хвост. Действовать самостоятельно. «Ручаюсь за чудо. Руку явлю скоро». Родной мой Папочка, я люблю битвы. Дух мой так загорается возможностью сразиться и поставить на место. Ведь мы всегда были

---

¹ Примечание Е.И.Рерих: Я никогда не могла бы сделать такого абсурдного заявления, поскольку это было бы против всех основных оккультных законов.

победителями, но нужна твердость. Конечно, Р[адна], и Модра и Авирах ничего не знают, многому удивляются. Но пока нет отмены, и потому молчу».

Надо сказать, что слово «удивление» было не совсем точным лексическим эквивалентом того, что переживали и испытывали все это время Зина, Морис и Франсис. Во-первых, уже несколько месяцев никто из них не получал жалованья (составлявшего 100\$ в месяц, по американским масштабам сумму весьма скромную). Вернувшаяся с Гималаев Эстер все время говорила о том, что она теперь облечена полным доверием Владыки, и все должны ее слушать. Одним из первых ее советов был тот, что ее брат Морис, она сама и Зина должны вновь вернуться к своей профессии, ибо потеряли 14 лет — лучшие молодые годы. На возражение Зины, что уроки музыки и выступления вряд ли сравнятся с знаниями и возможностями, приобретенными ими от общения с Н.К. и Е.И., Эстер усмехнулась: «В отличие от нас Юрий и Святослав жили в удобстве, занимались своей работой и делались знаменитыми».

В начале июля Уоллес отказывается встречаться с Франсис, заявив, что отныне он имеет свои указания, а все принесенные ему ранее считает недействительными. Отказываясь говорить, откуда он имеет эти указания, он упорно повторял, что также является учеником Владыки. 15 июля Уоллес телеграфировал Н.К. о перемене маршрута экспедиции — возвращении в Индию, не давая никаких объяснений. Тогда как несколько дней назад от Н.К. была получена телеграмма о том, что условия его работы в местности, в которой он находится, идеальны. Удивленная Зина обратилась к Хоршу как к президенту учреждений, зная, как он всегда выступал в защиту Н.К. и попросила его переговорить с Уоллесом. В ответ тот усмехнулся и сказал, что ничего делать не будет, ведь Е.И. молчит. Кроме того, Н.К. сам разберется, что ему делать дальше. Не удивляйтесь, продолжил Хорш, если от них теперь будут приходиться совершенно другие письма. «Меня эти письма не тронут, ибо я больше не намерен быть обвиненным в чем-либо или в поступках других, я это испытывал все годы. Я остаюсь совершенно спокоен при получении всех этих писем, ибо намерен жить и действовать по-новому и по-иному. То, что я сказал, также чувствуют Ояна и Порума, и мы так намерены действовать. Возможно, что другим членам это покажется тяжелым, пусть они серьезно подумают о том, *что* они хотят делать. Сегодня меня обвинят, почему я не достал миллион, завтра Вас, эти «блеймс» уже были в прошлом, но больше я их не приму»². Пораженная подобной наглостью и равнодушием к делам Зина умоляет Елену Ивановну: «Очень прошу, не пишите хорошо обо мне — это, очевидно, неприятно и раздражает. Затем, не возможно ли не писать им сурово, ибо они открыто могут пойти наперекор и произвести страшные действия. Простите меня за то, что пишу об этом, но то, что я сегодня слышала, меня заставляет бояться большого вредительства»³.

Будучи человеком действия, Хорш приступил к новым действиям без промедления. 18 июля Софью Шафран, в открытую усомнившуюся в источнике

² Архив МЦР. Дело № 722 (здесь и далее указаны временные номера), лист 37—38.

³ Архив МЦР. Дело № 722, лист 38.

указаний Эстер, заставили выйти из Совета Попечителей Музея, о чем она подписала соответствующую бумагу. Затем Хорш объявил, что поскольку Е.И. и Н.К. в отсутствие и не могут подписывать документы, следует рассмотреть вопрос об изъятии их из Правления. Вопрос рассматривался недолго. 4 августа Хорш приносит Зине бумагу об изменении состава Правления Учреждений — на место Шафран была избрана Эстер, а имена Е.И. и Н.К. были изъяты. «Тот, кто хочет быть лидером дел и почетным президентом, должен тоже нести ответственность», — сказал он. Зина окончательно поняла, что с Хоршем произошли страшные, невообразимые перемены. «Он всецело под ее (Эстер) влиянием, — писала она Е.И., — весь взвинчен, нервен, но мне его жаль, ибо не подпади он под это разрушающее влияние, он никогда бы, мне кажется, не зашел так далеко в своем ослеплении»⁴. 17 августа Хорш созвал заседание Правления и выступил на нем с следующим заявлением, содержащим грубые нападки в адрес Зинаиды Лихтман и Франсис Грант.

ЗАЯВЛЕНИЕ ЛУИСА Л. ХОРША

Нью-Йорк, 17 августа 1935 г.

Поскольку ни одна из записей, касающихся пунктов, обсуждавшихся на 149-м собрании 17 августа 1935 г. [не попала в протокол] — записей, сделанных миссис З.Лихтман и мисс Франсис Р.Грант, — мистер Хорш желает заявить следующее:

Относительно записи миссис Лихтман и мисс Грант в параграфе 5, мистер Хорш желает напомнить Попечителям, что он поднял вопрос о том, как Попечители смотрят на поддержку Европейского центра. Мистер Хорш поднял этот вопрос для того, чтобы не подавать никаких лживых надежд и не давать никаких лживых обещаний касательно этого дела, чтобы не вовлекать г-жу Рерих в какие-либо дальнейшие расходы. Времена очень напряженные, и мистер Хорш хочет, чтобы Попечители рассмотрели это обязательство честно и не блефуя. Поскольку миссис Лихтман и мисс Грант, похоже, думают, что они смогут участвовать в финансировании Европейского центра, они сами будут отвечать за это перед г-жой Рерих и д-ром Шклявером. Мистер Хорш не хочет вводить в заблуждение г-жу Рерих, заставляя ее финансировать Европейский центр и «Урусвати».

Бюджет Мастер-Института объединенных искусств в прошлом году не был выполнен. Миссис Лихтман обратилась за финансовой поддержкой, и она была ей оказана, как отмечается в предшествующих протоколах. Эти платежи стали возможны только благодаря задержке сумм, требующихся для срочных платежей, для долгов. В то время миссис Лихтман приняла решение не посылать полученные ею деньги Европейскому центру, а употребить их на нужды Мастер-Института объединенных искусств.

---

⁴ Архив МЦР. Дело № 722, лист 60.

В ответ на запись мисс Грант и миссис Лихтман в параграфе 7, что Попечители процветали со времени открытия Института, мистер Хорш желает напомнить Попечителям, что Институт начал процветать с тех пор, как мистер Хорш начал вкладывать все свое состояние. Имена и слава Попечителей выросли, когда было воздвигнуто огромное здание для прославления имени и для приобретения высокого положения для Попечителей. Земля, на которой стоит это здание, была принесена в дар мистером Хоршем. Если музей, прославляющий художника, существует, то это лишь потому, что мистер Хорш купил его картины.

Вся Рериховская экспедиция в Центральную Азию финансировалась мистером Хоршем.

Различные поездки мистера и миссис Лихтман в Москву, Монголию, Индию и Европу, а также первая поездка мисс Грант в Южную Америку, финансировались из того же источника.

Когда разорилась “Американская компания облигаций и закладных”, что угрожало завершению строительства здания, что означало бы потерю всего здания, мистер Хорш вложил свои последние сбережения в продолжение работ вплоть до их завершения.

Мистер Хорш вновь ясно видит реальный подход миссис Лихтман и мисс Грант, которые так легко смотрят свысока на тех, кто помогал им, и с такой готовностью и так непринужденно забывают реальные факты, которые облегчали их жизнь.

Мисс Грант и миссис Лихтман быстро забывают, кто финансировал корпорацию «Пан-Космос», корпорацию «Белуха», корпорацию «Ур», Новый Синдикат, а также «Алатас», Мастер-Институт и т.д., на которые мистером Хоршем давались большие денежные суммы. Мисс Грант и миссис Лихтман забывают тех, кто в прошлые годы помогал покрывать дефицит. Приношения друзей мистера Хорша, которые он обеспечил, также забыты. В распоряжении мистера Хорша имеются ваучеры, которые могут подтвердить эти факты.

Мистер Хорш также желает напомнить, что он глубоко и сердечно ценит любую помощь, оказанную Институту каждым из Попечителей, или другими друзьями, и не забывает ни одного доброго дела, сделанного кем-либо.

Мистер Хорш заявляет, что, будучи объектом непрерывной подрывной деятельности, выматывания нервов и преследований со стороны некоторых Попечителей, он не чувствует, что с ним сотрудничали *настоящие* “ученики Света”. Мы будем вечно чтить Источник Света, но тринадцать лет сотрудничества с некоторыми Попечителями (чьи имена я готов назвать в любое время), преподали нам горький урок того, как под личиной духовности творились самые несправедливые и невероятные дела. Недостаточно проповедовать Евангелие, надо жить по нему. Именно, мы ни разу не видели в течение этих тринадцати лет, чтобы этим принципом воспользовались.

Относительно трат, которые были возможны в течение тринадцати лет, мистер Хорш желает заявить, что несмотря на тот факт, что Институт открылся в 1929 году с долгами, и 75000\$ были взяты в кредит у банка, нашими

Руководителями были позволены такие траты, которые никогда бы не были позволены в любой другой организации. Профессор и г-жа Рерихи взяли на себя полное руководство, и их Указания выполнялись нами самым тщательным образом. Каждое слово профессора Рериха принималось как закон, не ставилось под сомнение.

Когда ежегодно тратились тысячи долларов сверх наших средств, мистер Хорш протестовал перед профессором Рерихом и, непрерывно, перед Попечителями в Нью-Йорке, но меня сочли “врагом культуры”, потому что я осмелился сказать правду и призвать сотрудников строить Институт на честной основе, в пределах наших средств, и не принося вреда другим людям.

Мистер Хорш считает записи мисс Грант и миссис Лихтман касательно “Защитников и их неугасимой преданности” наивысшим лицемерием. Все присутствующие Попечители вспомнят, как миссис Лихтман видимо радовалась, слушая заявления мисс Грант в течение февраля, марта и апреля, когда мисс Грант, будучи огорчена письмами г-жи Рерих насчет экспедиции, обвинила профессора Рериха, чтобы оправдаться, имея в виду неудачи экспедиции в том, что касается ботаников и т.д., заявив, что в неудачах повинны исключительно профессор Рерих и г-н Ю.Рерих. Мисс Грант заявила, что не только Макмиллан, но и ни один ботаник не сможет поладить с профессором Рерихом, и что им следовало бы идти одним. Записи мисс Грант в протокол относительно дел этой Экспедиции сопровождалась “пометками”, которые не выражали в то время негодования или протеста миссис Лихтман.

Также вспомним критику мисс Грант, которая говорила, что учреждения вынуждены расти слишком быстро под давлением. Подобным образом мисс Грант ставила под сомнение крупные расходы профессора Рериха и г-на Ю.Рериха на обувь, часы, палатки и проч., и проч. для теперешней экспедиции. Миссис Лихтман присутствовала, когда мисс Грант делала эти заявления, и она показала свое благожелательное к ним отношение.

Также мы вспомним заявление мисс Грант, что американская печать потеряла веру в Музей Рериха из-за некоторых заявлений, сделанных Музеем для печати. Мисс Грант привела в пример заявление, когда профессор Рерих уехал в Абиссинию, которое было сделано прессе по его предложению, и проч., и проч., и проч..

Также упомянем, как мисс Грант выражала свое негодование, не получив от Профессора Рериха и от г-на Юрия Рериха достаточных подробностей насчет Канзаса. Все это было в присутствии миссис Лихтман.

Мы также вспомним, как лидерство Наместницы не с готовностью было воспринято миссис Лихтман и мисс Грант, потому что они не хотели принимать лидерства г-жи Рерих. Мисс Э.Дж.Лихтман и миссис Хорш должны были отстаивать г-жу Рерих.

Намеки миссис Лихтман и мисс Грант на высший источник смехотворны, поскольку сами они ни коим образом не служат примером высокопринципиальных духовных учеников, и если они думают, что мы забыли их заявления и отношение, то они очень ошибаются.

«Чувствую определенно, что после вчерашнего заседания, — писала Зина Е.И. 18 августа, — они ведут к ускоренному разрыву, который может произойти не сегодня-завтра... Я не совсем понимаю — уяснили ли они себе, что без Трех Щитов, против которых они открыто пошли, им гибель! Боюсь, что их одержание дошло до пределов. Поэтому мы тут ждем с великим напряжением, как нам дальше поступать, ходить ли на другие заседания или больше не ходить, пока не будет Ваших указаний, — все это очень сложно!.. Хотя мы и сохраняем наружное спокойствие и продолжаем работать, мы живем в невероятном напряжении, в самой тягостной атмосфере». В особенности же Зина была взволнована судьбой школы, которая должна была осенью открыть новый сезон и в которую были приглашены новые видные учителя.

«На последнем заседании Логван... весь сидел багровый. Но его нам всем очень жалко, ибо есть много хорошего в его натуре, он умел в прошлом и умеет встрепенуться на зов к прекрасному и великому. Вся жуть в Ояне, на нее страшно глядеть, ибо она сидит в полном искажении своего духа и на нее прямо жутко глядеть. Боюсь, что она слишком далеко уже зашла и теперь прямо не может повернуть и раскаяться, ибо желание властвовать над Логваном и Порумой, а теперь над Другом и над всеми делами, уже захватило ее. Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что Ояна теперь будет «получать указания» именно на удаление нас».

Однако Елена Ивановна советовала Зинаиде пока не предпринимать открытых действий, а подготовить почву, проконсультировавшись с адвокатами.

«Конечно, на Минутсы 350 сейчас отвечать не буду, — писала она Зине 17 сентября 1935 года. — Ибо отвечать только ради ответа ни к чему. Все их обвинения сейчас меня *абсолютно не трогают*. Разве могу я отвечать на грубость и придирки, приличествующие больше мелочным лавочникам, нежели президентам Культурных Учреждений. Но так как тенденция обвинять нас в экстравагантных тратах и в советах, вовлекших их во всякие трудности, все возрастает и ввиду того, что многие подробности и ценные факты мне неизвестны, то я хочу дождаться приезда Н.К., и тогда мы приведем по пунктам веские опровержения, подтвержденные неоспоримыми доказательствами. Писать им больше *не буду*. Последнее мое письмо к ним или, вернее, к Кругу было от 2-го авг[уста], и было написано по Указанию. Письмо же, которое Вл[адыка] указал мне написать Пор[уме], так и лежит не отправленное. Вероятно, Вл[адыка] выжидает и следит за извивами ее духа возможно, что дух ее настолько уже удушен совместным действием О[яны] и Конр[ада], что Лучу трудно дойти до ее сердца. Ведь мы знаем, что Луч — не мокрая кисея, и если он не может быть воспринят, то посылать его опасно, ибо это может нарушить здоровье. Всякое насилие воспрещено законом Света. Лишь темные не стесняются применять свои отравленные стрелы там, где им нужно и где вход им открыт.

Конечно, Модрочка права, что они стараются запугать и, прежде всего, хотят иметь полный контроль над всем, и особенно денежный. Но открытого скандала они побоятся. Если только нечто дойдет до Бонд., то кто знает, какие неожиданные духи могут быть вызваны! Этот денежный контроль они давно хотели получить, и О[яна] всячески подбиралась ко мне, чтобы я написала Кругу, чтобы Логв[ану] был предоставлен полный контроль над всеми Учреждениями. Имеются у меня и письма по этому поводу от Логв[ана]. Но на все попытки я отвечала, что, раз Н.К. установил, что каждое учреждение ведает своими финансами, я не могу этого отменить. Конечно, по приезде О[яны], как видно, они решили выполнить это незаконное намерение другим путем. Так, родные, собирайте факты, и как можно точнее и лучше осветите *создавшееся положение лойерами*. Именно значителен факт — скрывание получения и распределения денежных сумм от трести. Но необходимо соблюдать полное спокойствие. Пусть взрываются. Но старайтесь, где возможно, пресекать их политику распространения слухов о нашей якобы экстравагантности, и также о том, что Логв[ан] субсидировал Азиатскую экспедицию. Ведь все трести знают, что на эту сумму он получил картины. Неужели он полагал получить *целый музей, почет и положение*, и все это *даром*? И сколько из полученной суммы ушло на экспедицию и на покупку усадьбы, часть которой с двумя домами отдана была Н.К. под Институт Урусв[ати]. Если он перечисляет данное им тогда, когда он *имел на то все возможности*, то ведь и мы можем начать перечислять данное нами тогда, когда мы *не имели* таких возможностей. Все измеряется пропорционально.

...Теперь, родные, конфиденциально сообщаю Вам по Указанию, что именно моя рука, приблизившая их и открывшая им, и давшая им так много по оккультному закону должна была вскрыть этот гнойник. Именно я должна была прекратить дальнейшее заражение. Потому мною были посланы предупреждения Пор[уме], и, конечно, и двум остальным, но они ими пренебрегли, тогда по Указанию я послала телеграммы, которые и выявили истинные лики. Так указанное в книгах Учения совершилось.

...Обратите внимание, как, кощунственно понося все, исходившее и исходящее через нас, они в то же время всячески подчеркивают свое величайшее почитание и преданность Высшему Источнику. Ведь эти безумцы думают, что, кланяясь Высшему Источнику, и в то же время предавая Доверенных Его, они тем самым *страхуются от кармы*! Какое изуверческое и невежественное мышление, чтобы не сказать больше! Искаженное мышление не может постичь всю царственность Духа Вел[икого] Вл[адыки], которые именно простят кощунство и отвергание Их Обликов, но не предательство Их Доверенных! В этом все отличие земного преступного мышления от Великого Сердца и Царственного кругозора Духов Света. На это при случае следовало бы указать, именно, что никакие пуджи Вл[адыке] не могут оправдать предательства Доверенных, *наоборот*, лишь утяжелять карму такого лицемера. Так Вы твердо знаете, что Вл[адыка] простит отвергание Его, но не

оскорбления и *предательство* по отношению к Доверенным Его. Так, Этика Вел[иких] Учителей *обратна* этике служителей тьмы.

Так, родные и любимые, зоркость, находчивость и спокойствие. Мужайтесь перед новым строительством и приветствуйте очищение, ибо, истинно, нельзя было закладывать новое строительство на сгнивших устоях».

Итак, мы видим, что Елена Ивановна вплоть до последнего дня (пока не прозвучало Заявление Хорша) избегала конфликта со своими бывшими учениками, давая им шанс одуматься и как-то изменить ситуацию. Это подтверждают как письма самой Елены Ивановны, так и многочисленные письма Зинаиды Григорьевны. Однако шанс этот был ими упущен. Более того, предатели измышляли все новые и новые козни, вовлекая в свой преступный замысел все новые и новые действующие лица. Как оказалось, в эту орбиту был втянут их новый высокопоставленный знакомый — Генри Уоллес:

«...Так как все Учреждения связаны с именем Н.К., и официально он является инициатором их, то, конечно, именно ему надлежит *первому заявить свое слово*», — пишет Елена Ивановна 17 сентября 1935 г. — Н.К., бывший в курсе всех перипетий в Нью-Йорке, 24 авг[уста] получили новое предписание от Департамента земледелия — «немедленно направить экспедицию в Кукунор — местность ужасную, которая кишит сейчас разбойниками. Экспедицию в такую местность нужно готовить заранее, ибо там нет почти никакого жилья, кроме редких юрт. Потому были бы необходимы новые затраты на покупку специального грузовика для запаса газаolina и провизи[и]. Мы проходили этой местностью как раз в конце сент[ября]. Кроме того, если бы они немедленно передвинулись туда, они не закончили бы сборов семян в прекрасной местности, и все равно опоздали бы с приготовлениями к сбору семян в той местности. Ибо там все поспевает значительно раньше, и уже в сент[ябре] начинаются ночные заморозки. Только полное невежество или же тайный злобный умысел мог направить туда экспедицию. Я так счастлива, что Н.К. немедленно телеграфировал о всей бессмыслице подобной затеи. Результатом чего явилось прекращение экспедиции даже не к ноябрю, но к 21 сент[ября]. А пока что мы несем затраты на экспедицию, отправленную в Спити!! Чуете ли Вы эту вражескую руку? Они до смерти опасаются приезда, предчувствуя свое поражение!»

Слово это было сказано по возвращении Н.К.Рериха из экспедиции. Узнав о происшедшем, он был вынужден передать дело адвокатам. Тем временем открывались все новые и новые подробности «переворота».

Итак, какие именно махинации провел Хорш? В свое время он вложил в дом, в котором размещались все учреждения, — а это был 29-этажный небоскреб — свой капитал и надеялся получить на него сторицею, но в 1929 году США поразил мощнейший экономический кризис, вошедший в историю под названием Великая Депрессия. Стоимость здания, выстроенного в самое дорогое время, сильно упала, доход сократился, а налоги, напротив, возросли. Возникла необходимость реорганизации, технические и юридические

формальности которой требовали, чтобы дом принадлежал не «Корпорации Музея Рериха», а основной Корпорации «Мастер-Институт Объединенных Искусств», основанной Н.К.Рерихом в 1921 году и свободной от всяких обязательств. Хорш придумывает следующее. Несмотря на то, что дом остался в своей основной Корпорации, в которую входили все те же Попечители (Н.К. и Е.И.Рерихи и группа их американских учеников и сотрудников), этот переход дал ему возможность сообщать всем непосвященным во внутреннюю организацию учреждений о прекращении деятельности, связанной с Музеем. Хорш с самого своего подхода к делам принял на себя все управление учреждениями и исключительное право управления всею финансовою частью. Кроме того, он имел полную доверенность Рерихов на ведение их финансовых и прочих дел. В 1935 г. он подает ложные сведения в Налоговый департамент США, представляя средства, потраченные на Центрально-Азиатскую экспедицию, личными средствами Николая Константиновича. Это привело к тому, что на собственность Рериха в США — картины — был наложен арест и возникла угроза их принудительной распродажи. На самом же деле экспедиция осуществлялась на средства учреждений, основанных Н.К.Рерихом. Незадолго до этого, с целью упразднить основную группу учредителей и под предлогом проживания Рерихов в Индии, а не в США, Хорш заменил Н.К. своим зятем, а место Елены Ивановны заняла Эстер Лихтман. Все эти действия совершались им в отсутствие Н.К.Рериха, бывшего в Маньчжурской экспедиции, и при полном доверии прочих Попечителей. Также в свое время, под предлогом тех же формальностей, Хорш принял на хранение их акции учреждений, которые впоследствии выдавал за свои.

Н.К.Рерих пишет 10 Меморандумов, в которых последовательно, параграф за параграфом опровергает все наглые обвинения Хорша (см. Приложение к тому IV Писем Е.И.Рерих). А в 1936 году он составляет письмо к президенту Ф.Д.Рузвельту, «крик моего сердца». К сожалению, это письмо так и не достигло адресата. Вот оно:

Н.К.Рерих — Ф.Д.Рузвельту

1936 г.

15 апреля прошлого года было для меня одним из самых знаменательных дней моей жизни. При Вашем благородном покровительстве в Белом Доме был подписан Пакт об Охранении Культурных Сокровищ. Как мечтал я о дне, когда мог бы лично увидеть Вас и принести Вам выражение моего почитания и глубокой благодарности.

Не мог я думать, что мне придется беспокоить Вас настоящим письмом — криком моего сердца, чтобы прибегнуть к Вашей справедливости и защите. В Вашем лице выражается вся нация, и я поставлен в необходимость рассказать о том безвыходно чрезвычайном положении, в которое меня поставила злая воля моего же бывшего доверенного.

Как Вы, может быть, слышали, от 1923 года до 1929 года продолжалась наша Средне-Азиатская экспедиция, которой была посвящена немалая

литература. Экспедиция была от Американского Музея, и, как и явствует из документа, все средства на экспедицию были американские. Теперь же, по прошествии девяти лет, г-н Х[орш], бывший все время моим доверенным, с неожиданно злоумышленными целями дал сведения в Деп[артамент] Налогов, очевидно, представив средства, потраченные на экспедицию, моими личными, почему, несмотря на мое вызванное делами отсутствие, наложен от Правительства лиин на мою единственную собственность в Америке. Кроме картин, никакой собственности у меня нет. И как художник, я живу лишь моим творчеством. Самое же печальное в этом деле то, что такой лиин может накладываться лишь в случае какого-либо фрода. Неужели же я на седьмом десятке лет при всеобщей известности моего имени мог бы допускать какое-то злоупотребление? Лишь злая воля или зависть или какая-то месть могут создавать такое ужасное положение, чтобы омрачить имя, за шестьдесят два года ничем не запятнанное, и тем повредить мою деятельность в Америке — в стране, о которой я столько раз сердечно писал и которой принес лучшие результаты моей деятельности. И вот теперь, пользуясь моим отсутствием, не щадя болезни сердца жены моей, пользуясь тем, что я могу иметь средства лишь от картин моих, именно на них накладывается угроза их принудительной распродажи. Между тем ведь всем же известно, что оба указанных года мы все были в Средней Азии и в Тибете и большую часть времени были оторваны от всякой возможности сношений с миром. В литературе указаны и те смертельные опасности, когда мы более полугода были остановлены в летних палатках в зимнее время на высоте 16 тысяч футов в Тибете. Известно, как погиб весь наш караван и пять человек наших спутников. И вот в это самое время, когда мы почти что погибли, когда жена моя навсегда потеряла свое здоровье, меня обвиняют в невзносе каких-то налогов. Но ведь все экспедиции не подлежат налогам, иначе экспедиции не могли бы вообще тронуться с места. Отправляясь в экспедицию и по возвращении, я имел всегда уверения г-на Х[орша] в том, что все в порядке и что он счастлив избавить меня в моей художественно-научной деятельности от всех финансовых хлопот. И так после пятнадцати [лет] деятельности, связанной с Америкой, на пользу этой любимой страны меня обвиняют и ставят в безвыходное положение. Ведь не только вопрос идет о самом налоге, но идет дело о запятнании имени. Денежных средств у меня никаких нет. Из заработков моих посильно я уделял и жертвовал на образовательные задачи. Я даже не имею средств приехать в Америку. Для приглашения адвоката мне приходится прибегать к помощи друзей, которые тоже стеснены в средствах. Если сложить все факты создавшегося положения, то истинно получается трагическая картина. После сорокапятилетней культурно-просветительной и творческой работы, отмеченной всеми странами, меня обвиняют в каких-то преступлениях, которые совершенно не свойственны моей природе. Единственно, в чем меня можно обвинять, это в том, что, как оказывается, я доверял лицу, которое этого не заслуживает, которое ради своих корыстных целей пытается извратить истинные факты. Но ведь сердце не разучилось еще доверять людям. Все обстоятельства этого неповторенного дела

настолько и особенны и трагичны, что я должен апеллировать к нации как старинный друг Америки. Ведь и первая выставка Американского Искусства 37 лет тому назад в Петербурге была устроена моими трудами. Язык искусства есть язык мира и дружеского объединения. Теперь же все мои лучшие устремления попираются злою волею. Я знаю, что Деп[артамент] Налогов вводится в заблуждение злою волею. Г-н Президент, к Вашему сердцу и к Вашей широкой справедливости обращаюсь. Ваше справедливое слово может рассеять весь мрачный туман, сгущаемый злыми людьми. Пусть не останется в истории Искусств этот мой вопль оскорбленного доверия без сердечного ответа. Я пишу Вам от сердца к сердцу. Пусть будут выслушаны мои друзья-сотрудники, такие, как мисс Франсис Грант, О'Хара Косгрэв, Александр Мерритт, Уортон Сторк, Чарльз Крэн и все те, кто знают мою деятельность. Знаю, что Вы не оставите без внимания это мое обращение как друга Америки, знаю, что и Америка отнесется дружественно и справедливо.

Злоумышление опасно отразилось на и без того подорванном здоровье жены моей. Она видела в Вас великого Строителя Новой грядущей Эпохи счастья человеческого. Знаю, что Свет побеждает тьму и Справедливость торжествует. К Вашему сердцу, г-н Президент, обращаюсь!»

Странно читать все эти Меморандумы, это письмо, адресованное президенту США, пронизанное отчаянием, болью, недоумением... Казалось бы, уже та чудовищная несоизмеримость между человеком высочайших духовных устремлений, выдающимся деятелем искусства и культуры, всемирно известным художником, ученым, общественным деятелем — с одной стороны, и беспринципным мошенником, подделывающим документы, наглым вором, крадущим чужую собственность, — с другой, делает бессмысленным само написание подобных Меморандумов. Однако, как это часто бывает в нашем несправедливом мире, прав тот, кто сильнее, в данном случае — тот, у кого есть деньги — на дорогих адвокатов, продажных судей.

Судебный процесс «Рерихи против Хоршей», растянувшийся на несколько лет, обернулся настоящим фарсом. Несмотря на то, что, в декларации 1929 года, подписанной всеми основателями Музея, полотна художника значились как дар американскому народу, в 1938 году они были вывезены Хоршем из музея вместе с ценными предметами искусства и архивами, а к концу 1940 года решением суда они были признаны... собственностью Хорша и его супруги в качестве залога за финансовые субсидии, выделенные на Музей и Центрально-Азиатскую экспедицию! Как выяснилось, решение это было принято не без поддержки вице-президента США Генри Уоллеса, оказавшегося в долгах и охотно оказавшего мошеннику Хоршу «услугу за услугу». Вскоре после чудовищного решения суда, как и предчувствовала Елена Ивановна, предатели пустили картины буквально «с молотка», часть из них, к счастью, была впоследствии выкуплена американцами К.Кэмпбелл и Б.Боллингом, многие же и по сей день остались украшать чьи-то личные коллекции.

Не менее тяжелым ударом для Рерихов оказалось и то, что в руках предателей оказались авторские копии дневников Е.И.Рерих за 1920—1935

годы, содержащие, помимо книг Учения Живой Этики, сокровенные беседы с Учителем, не предназначавшиеся к публикации ранее установленных сроков. Находясь в Центрально-Азиатской экспедиции, а затем под пристальным вниманием Британской разведки, Елена Ивановна справедливо опасалась за судьбу бесценного материала, переписала его и передала в США исключительно на хранение, причем часть тетрадей отправила в запечатанном виде. Она запретила своим ближайшим сотрудникам (!) читать их и делать из них выписки, чему существуют многочисленные подтверждения в ее письмах 1936—1939 годов, когда она безрезультатно пытается получить свои записи обратно. Нетти Хорш, не знающая ни слова по-русски, объявляет эти авторские копии дневников подарком, полученным от Е.И.Рерих, и несколько десятилетий спустя передает их в Амхерст-Колледж за ненадобностью. Там они пролежат несколько десятилетий, покуда не будут востребованы современными достойными продолжателями дела Хоршей, которые отважатся на то, на что не отважились их предшественники, несмотря на всю ужасающую глубину своего морального падения.

Так шаг за шагом разрушалась вера Е.И. и Н.К.Рерихов в страну, на благо которой они работали шестнадцать лет, которой принесли лучшие результаты своего творчества и о которой говорили так, как дай Бог говорить истинным американцам. После сорокапятилетней культурной работы, отмеченной во всем мире, Н.К.Рериха выставили мошенником, ограбили, и все это при полном безмолвии общественного мнения. Несколько статей о снятии картин, появившихся в прессе, да десяток-другой *личных* сочувственных писем лишний раз доказали то, что слова и уверения в преданности Силам Света немногого стоят.

«Тяжко осознавать, что Америка, в которую мы верили всем сердцем, — с грустью напишет Елена Ивановна в 1938 году, — выказала в отношении нас такую несправедливость»⁵. Приговор Владыки был суров, ибо на самом деле этот удар был нанесен по делу Учителей. «Благие Лучи отлетели от страны, — скажет Он, — и она предоставлена своей карме»⁶.

И снова вопросы... Почему процесс был проигран, несмотря на то, что сами Рерихи и их Учитель были ТВЕРДО уверены в победе? Попробуем проанализировать основные причины поражения.

1. Некомпетентные адвокаты, подкупные судьи, порочная система юриспруденции

Плаут, Дэвис, Миллер, Милликан, Фрида, Александр, Генри, Лейк, Сибюри, Келли — в этих именах постоянно сменявших друг друга адвокатов, представлявших Рерихов и их сотрудников, нетрудно и запутаться... Однако всех их роднило одно — бездарность, откровенно халатное отношение к делу и исключительно материальная заинтересованность. «Трудно сейчас найти адвоката, который бы заинтересовался таким делом без солидного гонорара»,

---

⁵ Письмо Е.И.Рерих от 07.05.1938 г.

⁶ Письмо Е.И.Рерих от 03.09.1938 г.

— честно признавалась Елена Ивановна (15 февраля 1938 г.). «...Немало навредил неумелый пессимист-адвокат. И пессимизм — главная причина его бездарности и неумения. Один крупный адвокат, ознакомившись недавно с нашим делом, сказала, что оно испорчено бездарностью защитника, который, имея в своих руках ценнейший материал, не сумел использовать его вовремя и занялся лишь бездарной защитой, вместо смелого обвинения и отстаивания своих прав, и тем дал возможность противникам укрепиться и окончательно обнаглеть»⁷. «Все американские защитники принадлежат к одному стандартному типу, именно строящим свою защиту лишь на бумажках (поддельных) и документах (выманенных), но не на главном, не на моральной и психологической стороне всего дела. Если все дела должны решаться только на основании бумажек, то зачем все суды?! Достаточно было бы одного полицейского участка! Но каждый разумный, уважающий себя человек понимает, что судьи должны быть прежде всего большими психологами и нравственными людьми и принимать в соображение все условия и обстоятельства в развитии разбираемого ими дела с самого его основания и, главным образом, считаться с общественным положением и моральным уровнем лиц, участвующих в процессе. Но, как мы видим, в Америке все это не имеет никакого значения в глазах «защитников» справедливости. Не пишет ли и Фл[орентина] в своем последнем письме, чтобы выиграть любое дело, нужно лишь иметь политический пулл, который она, к сожалению, не имеет... Должна признаться, что нагромождение бездарной защиты около дел настолько велико, что я решительно ничего больше не понимаю. Вижу лишь одно — что законы страны служат на защиту жуликов и все «стражи» справедливости видят ее лишь через золотое сияние»⁸. «Неужели все представители адвокатского сословия заинтересованы лишь получением известной суммы за свои труды, и обеспечив себя, уже не интересуются успешным исходом дела. Не все ли им равно, кто прав и кто виноват, важно, чтобы доллары попали им в карман»⁹.

«Конечно, если бы у нас были средства пригласить большого адвоката, — честно признается Елена Ивановна, — то, конечно, все приняло бы иной оборот»¹⁰.

Что говорить, в этом отношении на стороне предателей были все преимущества — большие деньги Хорша позволяли ему нанимать самых искушенных в вопросах юриспруденции адвокатов, а один звонок «сверху», от члена Правительства Уоллеса, мог изменить решение судей за одну минуту.

2. «Истинное значение дела осталось не понятым»

Безусловно, адвокаты могут быть слабыми, бездарными, неграмотными в профессиональном смысле, да и просто малокультурными людьми, в глазах которых музей не имеет никакой ценности, в отличие, скажем, от кинотеатра

---

⁷ Письмо Е.И.Рерих Р.Я.Рудзитису и Г.Ф.Лукину от 17 марта 1938 г.

⁸ Письмо Е.И.Рерих от 8 октября 1938 г.

⁹ Письмо Е.И.Рерих от 12 ноября 1938 г.

¹⁰ Письмо Е.И.Рерих К.Н.Муромцевой за 1938 г.

или стадиона. Однако многое зависит от того, насколько хорошо им объяснили суть дела те, кого они наняты защищать. «...В основу наших дел должен быть положен прежде всего психологически-моральный критерий. Нужно ясно очертить, что представляют собой в мировом масштабе характер и положение главных фигур процесса и в каком отношении они стоят друг к другу»¹¹, — объясняет Елена Ивановна Зинаида. «Родные, показали ли новому адвокату книги «Мессаджи» за 29 и 30 год и т.д., книги декад, Просидингсы о Пакте, все монографии и библиографию Н.К.? Совершенно необходимо, чтобы новый адвокат проникся бы значением в мировом масштабе центральной фигуры. Нужно противопоставить высокую культурность с одной стороны и полную акультурность с другой»¹². Насколько хорошо справились с этой задачей Зинаида, Франсис, Морис? — Судить трудно.

«...Трудность в том, что защитники не осознали значения фокуса, не было подчеркнуто мировое значение деятельности и имени. Думаю, и последние адвокаты не заинтересовались делом, увидя, что не создано фокуса, на котором они могли бы базировать свою защиту. Знаем, что с самого начала проводилась политика снижения, и имя прилагалось лишь там, где без него вообще нельзя было пройти. Когда-нибудь глаза некоторых сотрудников откроются, и они поймут, что, снижая значение имени, они снизили и себя»¹³. «Мы знаем, что только исключительная некультурность нашего защитника, допустившая, что в деле не был выявлен фокус, именно к центральной фигуре, к великану, были применены карликовые меры, дала временное торжество врагу».

3. Отсутствие единения среди сотрудников

Наивно полагать, что успех любого дела обеспечен только потому, что его *пообещали* более Мудрые, более Прозорливые, чем мы, простые смертные с нашим ограниченным кругозором. Ведь недаром существует народная поговорка — на Бога надейся, а сам не плошай! Если мы обратимся к письмам Елены Ивановны и посмотрим, какие напутствия дает она сотрудникам перед битвой, то увидим, что в каждом из них было непременно оговорено *необходимое условие* для победы:

«...В полном доверии выполните первое условие победы — ЕДИНЕНИЕ. Работайте дружно, чтобы при сложившихся условиях добиться максимума лучшего решения».

«...Если мы ограничимся лишь самими собою, да еще проявим нетерпение и нетерпимость, то, конечно, трудно ожидать успеха. Как Сказано: «Победа суждена, но Мое условие — ЕДИНЕНИЕ»».

«Ваше единение сплотит и друзей и адвокатов. Велик магнит сердечного единения! Докажите, родные, что за 15 лет Вы усвоили основы Учения Жизни». «Все эти предательства сослужат великую пользу, если бы только удалось

---

¹¹ Письмо Е.И.Рерих от 16 июля 1938 г.

¹² Письмо Е.И.Рерих от 2 июня 1938 г.

¹³ Письмо Е.И.Рерих от 16.04.1938 г.

выполнить единое условие, требуемое Вел[иким] Вл[адыкой] — именно, Единение. И победа пришла бы скорее и была бы яркою!»

«Сказано, что в Америке все придет к славному разрешению, но не следует огорчаться временными неудачами, нужно лишь предвидеть и принимать меры к обезвреживанию их. Условие яркого успеха — полное единение сердец». И т.д. и т.п. Таких примеров — великое множество.

Справедливости ради следует отметить, что тема единения и дружелюбия между сотрудниками в Делах Учителя является главной темой в ее письмах к Кругу на протяжении всего его существования, когда и будущие предатели, и преданные сотрудники еще пребывали по одну сторону баррикад. Но одно дело — в «мирные времена», другое — когда злодеи Хорши и Эстер уже находятся на противоположной линии фронта и на их «козни» уже нельзя сослаться. Всюду речь идет именно о единении между оставшимися сотрудниками, чьи *собственные интересы* были попораны!

К сожалению, несмотря на объективные обстоятельства, которыми можно считать некомпетентность адвокатов, продажность судей и общее падение нравов в мире, сами «потерпевшие» сделали все от них зависящее, чтобы эта победа никогда не состоялась. Вы спросите, как такое может быть? Не противоречит ли это здравому смыслу? Но давайте обратимся к документальному материалу, в данном случае к письмам З.Г.Лихтман (Фосдик), которая регулярно оповещает Е.И. и Н.К.Рерихов о всех перипетиях судебного разбирательства. Приведем хотя бы несколько примеров, поиск которых не займет много времени. «Заседание (истцов вместе с их адвокатом — Т.К.) кончилось ничем — вернее, все пришли к результату, что... нужно сидеть у моря и ждать погоды!!! После решения апелляционного суда, если оно будет против нас, можно будет что-нибудь предпринять, а теперь не время»¹⁴. Или еще: «Франсис намеренно отвергает и умаляет. Остальные молчат. Вы тысячу раз правы, родные, где этот Золя, где прозвучит голос, зовущий к обнаружению неслыханного издевательства над юстицией, над справедливостью, над человеческими правами, когда найдем такого Золя в этой продажной стране? <...>. Опять скажу с болью в сердце: Комитета нет, группы нет, кроме отдельных друзей, верность которых испытана».

Это, так сказать, групповые зарисовки. А теперь — портреты крупным планом. В 1937 году в жизни **Франсис Грант**, занимавшейся переводами и изданиями книг Живой Этики, произошло событие, которое нанесло тяжелый удар ее самолюбию. Один из американских последователей Учения, Джеймс Гартнер, за короткое время выучил русский язык и перевел все книги серии на английский, причем, по отзывам Елены Ивановны, перевод был просто прекрасный. Франсис же за пятнадцать лет работы так и не удосужившаяся выучить русский язык, с грехом пополам выпустила только четыре книги, уровень которых оставлял желать лучшего. Исключительно медлительная, она могла запросто потерять десяток-другой страниц или объединить начало одного параграфа с концом другого и т.д. Однако когда на горизонте появился новый

¹⁴ Архив МЦР. Дело № 1943. Лист 67. (1938 год)

деятельный сотрудник, Франсис расценила это как прямую угрозу ее «доброму имени» и Николаю Константиновичу пришлось писать ей специальное письмо, что никто не собирается отстранять ее от работы и, более того, все прекрасно понимают, что в сложившейся трудной ситуации нельзя требовать от издательства прежней активности. Но Франсис поступает как настоящая «собака на сене». В 1938 году, в самый разгар служебной тяжбы, пресс-служба и издательство при Музее Николая Рериха «Агни Йога Пресс», бывшие в ее ведении, прекратили свою деятельность только потому, что Франсис не имела для этого времени. Родственник устроил ее работать в какой-то журнал, где она зарабатывала неплохие деньги, встречалась с людьми совершенно из другой среды, и совершенно явственно ощущалось, что деятельность в рериховских учреждениях несказанно ее тяготит. Зина не раз с грустью отмечает в своих письмах, что Франсис «открыто говорит, что не имеет времени для заседаний, для обсуждения важных вопросов»¹⁵. Она очень оскорблялась, почему Е.И. и Н.К. не пишут ей персональных писем на английском языке, и отказывается слушать переводы, сделанные Зиной или Морисом. Сама же писала крайне редко. «Проживем и без трудного человечка (Франсис — Т.К.), — с грустью приходится констатировать Елене Ивановне. — Важно одно: чтобы насколько возможно и где возможно парализовать его вредное влияние»¹⁶.

Более чем странно повел себя в критической ситуации и **Морис Лихтман**, муж Зины. Так, в 1936 году он не явился на важное судебное заседание, где требовались его показания, только потому, что для этого ему пришлось бы вернуться из отпуска на *несколько дней* (курсив мой — Т.К.) раньше! Будучи вице-президентом Музея, он отказывался проводить время в своем кабинете даже по несколько часов в день, несмотря на бесчисленные просьбы и уговоры супруги. Весь 1938 год Морис безвыездно проводит в Санта-Фе, ссылаясь на свое плохое самочувствие и необходимость заниматься музыкой, чему напряженная атмосфера Нью-Йорка не способствует. И это при том, что Елена Ивановна *просит*: «Совершенно недопустимо, чтобы Ав[ирах] остался в Санта-Фе. Именно, преступники истолкуют это как бегство из-за разъединения сотрудников». В редких и лаконичных посланиях Мориса жене, оставшейся на поле битвы без поддержки и взвалившей на себя всю ношу переговоров с адвокатами и «нужными людьми», всю тяготу бесконечных, изматывающих судебных заседаний, — нет ни слова о процессе, сотрудниках и когда-то горячо любимых (очевидно, на словах) Наставниках. Все его мысли сконцентрированы исключительно на своем драгоценном здоровье. Это воистину постыдное бегство очевидно послужило причиной того, что брак Зины и Мориса вскоре распался.

«Опять могу с болью в сердце воскликнуть: один в поле не воин!» — пишет отчаявшаяся Зина в каждом втором письме в Гималаи. Странно и непонятно ей, «Верному Стражу», борцу по натуре, такое чудовищное равнодушие со стороны своих сотрудников и соратников, которые *все*

---

¹⁵ Там же. Лист 63

¹⁶ Письмо Е.И.Рерих от 12 ноября 1938 г.

получили от своих Учителей — и знания, и возможность непрерывного совершенствования, и статус — через свое участие в культурных делах и в приложении в жизнь идей Н.К. и Е.И.Рерихов. Зина сражается до последнего, но обстоятельства оказываются сильнее. Ее вместе с матерью выселяют из квартиры, лишают возможности зарабатывать себе на жизнь (Зина вела класс фортепиано в Мастер-Институте), каждый день она видит, как разрушается Музей, в который она вложила столько сил и энергии, который все эти годы был для нее воплощением высоких идеалов... И все же она не была в одиночестве. В тяжелые времена Зина обрела новых сотрудников — братьев Дедлея и Жина Фосдиков. Майор Фэлпс Стокс, почетный член Нью-Йоркского общества Рериха, по-прежнему оказывает постоянную материальную поддержку делам. И, наконец, плечом к плечу с ней сражается человек, который не входил в Круг американских учеников и всегда держался от него на расстоянии (после внимательного ознакомления с эпистолярным наследием Е.И.Рерих и З.Г.Фосдик так и хочется сказать: и правильно!). Этот человек — американка Кэтрин Кэмпбелл, которой было суждено сыграть в этой трагической истории одну из ключевых ролей, в хорошем смысле этого слова. «Лишь в бою и в час нужды проявляем мы свою истинную сущность», и в случае с Кэтрин было именно так. Она сразу же приняла сторону Рерихов в длительном и безнадежном деле с Хоршами, подыскивая и оплачивая влиятельных адвокатов и морально поддерживая сражающихся сотрудников. «Родная, милая Катрин, как она помогает! — пишет Елена Ивановна в Америку 10 декабря 1935 года. — Владыка шлет ей Луч». «Наша Амридошка помогает всем, чем только может, потому самая большая признательность пусть живет в сердцах всех ближайших сотрудников» (1937). Но даже здесь сложный характер Зины и ее ревнивая натура сумели многое осложнить. Были ли дружны Зина и Кэтрин на самом деле? Можно сказать, что они *старались* быть дружными: Кэтрин — сохраняя разумную дистанцию в отношениях, Зина — постоянно преодолевая себя. В письмах Зины периода судебного разбирательства порой так и сквозит плохо скрываемое раздражение по поводу материального благополучия Кэтрин, ее увлечения «тряпками», покупкой дорогих вещей, и если случалось так, что Кэтрин уезжала из Нью-Йорка по каким-то своим делам, подозрительная Зина видела за этим исключительно бегство от судебных хлопот и нежелание оказывать материальную помощь (о чем, разумеется, сразу же сообщалось Елене Ивановне). И бедной Елене Ивановне каждый раз приходилось умирять своего чересчур ревностного Верного Стража и пускаться в объяснения: «Мне чудится, что Амрида скорбит, что, видимо, Зиночка не понимает ее. Много нам помогла Амридошка. Если бы не она, то мы не смогли бы содержать ни Центра в Париже, ни платить нашей политической нянюшке здесь (британскому полковнику А.Е.Махону — *Т.К.*). Но нам во что бы то ни стало нужно сохранить Парижский центр, ибо там хранятся картины Н.К. и поддерживаются добрые отношения с Французскими правительственными кругами и т.д. и т.д., о чем долго и трудно писать. Также и нянюшка еще нужна. Между тем средства Амриды кончаются. Ведь муж ее не

может давать ей даже достаточно на домашние расходы и образование сына. Он должен был занять порядочную сумму денег»¹⁷.

Как ни прискорбно констатировать сей факт, но единения, хотя бы даже внешнего, о котором Елена Ивановна буквально умоляла своих учеников в каждом письме, которое Учитель называл необходимым условием для победы, среди «преданных сотрудников» никогда не существовало. В самой критической ситуации Морис и Франсис совершенно открыто предпочли Общему Делу дела личные, а Зина при всех ее превосходных «боевых качествах», самоотверженности и бескорыстной преданности Рерихам так и не смогла справиться с чувством ревности и собственной значимости... Пожалуй, это один из самых главных уроков «американской трагедии», разыгравшейся в далекие тридцатые годы прошлого века. «Тяжкое положение в делах наших сотрудников в Америке именно сложилось из-за разъединения среди ближайших членов и друзей, — делится Елена Ивановна с Р.Я.Рудзитисом и Г.Ф.Лукиным. — Разъединение это парализовало самые полезные действия... Единое условие, поставленное Великим Владыкой нашим сотрудникам для одержания победы, было ЕДИНЕНИЕ. Но так как условие это не было соблюдено и надежды на хотя бы частичное единение тоже мало, да и неудачник-пессимист остается защитником, то одна надежда — на чудо, на Неисповедимые Пути Сил Света, которые в конечном результате и худшее обращают в лучшее»¹⁸.

Никоим образом не хочу добавлять светлые тона к мрачным портретам Хоршей и Эстер Лихтман (свой выбор они сделали совершенно сознательно и никакое оправдание здесь *в принципе не возможно*), но среди того обилия грязи и клеветы, которое они щедро излили на своих бывших коллег, оказались и совершенно справедливые, заслуженные обвинения — и не только в том, что «единения между сотрудниками никогда не существовало». На протяжении тринадцати лет они действительно были вынуждены работать в негативной атмосфере, создаваемой «некоторыми Попечителями», как язвительно именуется Зину и Франсис Луис Хорш. В бытность свою сотрудниками основанных Рерихами культурно-просветительных учреждений участники будущего «криминального трио» действительно то и дело сталкивались с поведением, совсем не приличествующим «высокопринципиальным ученикам Света». Постоянные истерики и необоснованные амбиции Франсис Грант, ревность Зины по поводу поездок Нетти и Эстер в Кулу, ее *как бы* оплошность со студией Эстер в новом здании Мастер-Института (имея плохое зрение, Эстер получила самую темную студию), *сваленная* на Николая Константиновича, открытое недовольство тем, что Учитель высоко отзывается о чете Хорш (к сожалению, в нашем архиве нет письма Зины от 26 мая 1930 года, адресованного Е.И.Рерих, однако сохранился ответ на него — письмо Е.И.Рерих от 1 августа 1930 года — знакомясь с которым, нетрудно представить, *что* побудило Елену Ивановну написать своей ученице такое

---

¹⁷ Письмо Е.И.Рерих от 12 ноября 1938 г.

¹⁸ Письмо от 17 марта 1938 года.

жесткое и строгое послание) — все это и многое другое, случившееся в прологе к этой американской драме, конечно, сыграло свою роль. Как знать, быть может, именно эти камушки, полученные будущими предателями от «любящих духовных сестер Модры и Радны», окончательно подтолкнули их к той черте, после которой возврата быть не может.

Конечно, ни Франсис, ни Морис, ни тем более Зина НЕ были предателями — это самое главное. Но их инертность, нерадивость и неумение сотрудничать друг с другом осложнили очень многое. Елена Ивановна прекрасно это понимала. «Приходится пользоваться, как сказано, камнями, в которых горит хотя бы искра духа, — делилась она своими размышлениями с Николаем Константиновичем и Юрием Николаевичем. — Так, родные мои, вы отлично понимаете, что если бы не своевременное возвышение и возвеличивание трех ярых (Э.Лихтман, Л. и Н.Хорш — *Т.К.*), то ничего не было бы сдвинуто. Все провалилось бы. Неумение, ненаходчивость и малодушие другой стороны (З. и М.Лихтман, Ф.Грант — *Т.К.*), поражающи»¹⁹.

Представители «другой стороны» были обычными людьми, с достоинствами и недостатками, в чьих сердцах, по замечательному выражению Ф.М.Достоевского, «дьявол боролся с Богом», и эта невидимая битва длиной в жизнь состояла из многочисленных сражений, которые заканчивались и победами, и поражениями. Мы не вправе судить их, однако из той непростой жизни, выпавшей на их долю и запечатленной на страницах архивных документов, можно и должно извлечь свои, очень важные уроки. Близость к Посланникам Братства и участие в Их работе еще не является гарантом того, что ты устоишь на Пути и оправдаешь оказанное тебе доверие — необходима постоянная внутренняя работа. Великолепные возможности, щедро рассыпанные перед тобой, могут никогда не реализоваться, если ты *сам* не будешь прилагать к тому должных усилий. Сердечность, взаимопомощь, терпимость — отнюдь не отвлеченные понятия. И, наконец, Указания и Советы никогда не даются просто так. Малейшее их несоблюдение в критической ситуации может привести к самым плачевным результатам.

4. Полумеры, неточное исполнение Указаний, затягивание с действиями

«Жаль, очень жаль, что в свое время друзья не нашли своевременным передачу моего письма Президенту, — пишет Николай Константинович в 1941 году. — Теперь такое письмо уже не по времени, но тогда оно внесло бы новое определенное обстоятельство в историю дела. Грустно, что после стольких лет некоторые милые друзья не понимают, как точно нужно исполнять указания. Полумеры во всем ужасны». Именно на полумерах и строились действия «защиты» все эти годы. Посещения влиятельных общественных и политических деятелей откладывались, к названным Учителем адвокатам НЕ обращались или обращались месяцы спустя, когда события складывались уже совершенно по-другому, Комитет Друзей Музея, созданный специально для выступлений в

¹⁹ Письмо Е.И.Рерих от 13 июня 1935 года.

прессе и протестов в случае нападений на учреждения, НЕ собирался. «...Родные, умоляю обратить самое серьезное внимание на собрание и расширение Комитета Музея, — призывает Елена Ивановна.— Ведь этот Комитет является сейчас единственным законным защитником Музея. Ведь именно этот Комитет не был распущен. Не могут истинные друзья иметь что-либо против деятельности этого Комитета. Подумайте, родные, о том, что ни один Щит не был поднят. Общество защиты не получило поддержки и не вылилось в общественную организацию, как это предполагалось. Общество Друзей не собралось и не закрепилось. Общество Прессы повисло в воздухе, а книга, которая была указана для самого скорого напечатания, лежит без движения. Мысль о письмах к определенным лицам была отвергнута и т.д. Пишу это не для упрека, но просто, чтобы указать, как трудно иногда бывает нам и вам. Ведь мы можем действовать лишь через сотрудников самых близких, в уверенности, что будут произведены соответствующие действия и в указанный срок. Вы знаете, родные, какая страшная сила действует через ярых, потому-то и требуется с нашей стороны полная солидарность и самое тщательное исполнение советов»²⁰.

«Зиночка просит о помощи, но, родная моя, как это невероятно трудно, когда столько разъединения, когда ни один Совет не был исполнен»²¹.

«Ни у кого нет ни времени, ни средств, и, главное, умения организовать общественный протест против совершенного вандализма с Музеем, — делится Е.И.Рерих со своей двоюродной сестрой Ксенией Муромцевой в 1938 году. — Получаем немало писем от сочувствующих и якобы протестующих против вандализма, но все это разъединенные голоса, и, кто знает, может быть, когда дело дойдет до открытого высказывания своего мнения, они тоже спрячутся. Мы познали многие лики людей»²².

«Так если бы некоторые друзья передали бы в срок письмо Кузену (Ф.Д.Рузвельту. —Т.К.) от Н.К., то многое сложилось бы иначе, и тем друзья бы помогли бы себе и нам... Так некоторые люди одной рукой помогают, а другой разрушают, и где те весы, которые взвесят правильно, где был нанесен больший вред или же большая польза? Часто думающий, что он помог, на самом деле оказывается, что именно он был среди вредителей. Трудно земному сознанию распознать, где враги и где друзья. Но часто повторяемое речение — ищите ближе — в нашем и вашем случае явило всю непреложность свою»²³.

5. «Общественное мнение молчит»

И снова предоставим слово самой Елене Ивановне: «Не скрою, что самое тяжкое для нас, что в то время как предатели кощунствуют над самым Священным, издеваются над всеми принципами человеческого достоинства, общественное мнение безмолвствует. Неужели самоуважение просвещенных

---

²⁰ Письмо Е.И.Рерих в Америку от 15 февраля 1938 года.

²¹ Письмо Е.И.Рерих в Америку от 16 апреля 1938 года.

²² Письмо Е.И.Рерих К.Н.Муромцевой от 16 ноября 1938 г.

²³ Письмо Е.И.Рерих в Америку от 27 марта 1941 года.

слоев общества так низко пало, что они не интересуются попираем и разрушением культурных ценностей? Неужели они не интересуются судом истории? <...> Неужели достойные граждане Америки не возмутятся тем, что шайка грабителей, опираясь на влиятельную поддержку члена кабинета Правительства, может безнаказанно захватить и надругаться над общественным достоянием и ограбить духовно и физически целую группу людей? Не было еще случая в истории культуры ни одной страны, чтобы было допущено такое издевательство над общественным началом и такое ограбление. Сотни ценнейших произведений всемирно признанного художника и культурного деятеля, работа четверти века, захвачена грабителями, чтобы, может быть, предать ее полному уничтожению! Идеи его искалечены, и мерзкая клевета потоком разливается и нашептывается этими истинными исчадиями ада! Но общественное мнение молчит, не требует восстановления справедливости и даже не высказывает возмущения! <...> Не удивимся, если и приблизившиеся уклонятся от действий и выступлений в защиту и, может быть, дойдут до такого малодушия, что убоятся дать свою подпись под протестом против совершенного вандализма. Мы на все готовы, но великая скорбь живет в сердце, ибо мы верили в Америку, в ее общественное мнение.

На Ваши телеграммы, родные, мы не могли ответить, ибо что можем мы сказать и предложить, когда мы не знаем, остались ли у нас и около наших трудов — друзья?! Не были ли мы свидетелями за последние годы тяжкого непонимания и отступничества даже среди тех, на поддержку которых мы могли вполне рассчитывать? Вы знаете, родные, о всех уклонившихся. Да, тяжело сознавать, что Америка, в которую мы верили всем сердцем, выказала в отношении нас такую несправедливость, такую жестокость!

Тяжко представить себе, что так и не раздадутся возмущенные голоса против закрытия Музея, против его разрушения. Неужели все, кто писали, кто восторгались и учились на этих замечательнейших произведениях искусства, не подымут голос, чтобы воспрепятствовать разрушению? Неужели не найдется никого, кто указал бы на возмутительное лицемерие и обман президента Музея и Учреждений... который лицемерно председательствовал на Конгрессе Пакта по Охранению культурных ценностей, теперь же, когда явилась возможность, разрушил учреждения и захватил все ценности в свои руки?! Равне это не издевательство над общественным мнением? Неужели такое лицемерие, такая ложь, такой грабеж, не должны быть клеймены и широко оповещены? <...> Родные, неужели мы явимся свидетелями полной импотентности и равнодушия культурного слоя страны?»²⁴

«...Остается одна надежда, что друзья помогут широкому оповещению о совершенном вандализме, чтобы общественное мнение могло поднять свой протестующий голос. Ведь почти никто не знает, что на самом деле произошло. Никто не знает всего размера происшедшего злодеяния под покровительством преступного официального лица... Неужели все творчество более чем за

---

²⁴ Письмо Е.И.Рерих в Америку от 7 мая 1938 года.

четверть века и вся культурная деятельность, выдавшая столько идей, нашедших в себе в стране многочисленных продолжателей, останутся без внимания и будут обойдены молчанием полного равнодушия? Не могу допустить этого, ибо ни в одной стране ничего подобного не могло бы произойти. Неужели лишь двадцать голосов подымутся в протесте и среди них будут голоса ближайших сотрудников? Неужели голоса выдающихся общественных и художественных деятелей и критиков Америки, утверждавших, что искусство Рериха имело огромное влияние на американское искусство, останутся голосами, вопиющими в пустыне? И все, кто приходили и восхищались картинами, пребудет спокойными свидетелями еще одного позорнейшего вандализма в истории человечества? Неужели эта позорная страница в истории Искусства будет допущена в Америке? ...Не могу представить себе, чтобы представители литературы, искусства и просветительных учреждений не откликнулись на вандализм, совершенный на почве их страны, и лицами, претендующими на американское гражданство. Как один герой подымает значение всей нации, так и каждый предатель бросает тень на всю страну. Пусть через малое число лет никто не укорит, что страна ничего не сделала, чтобы защитить произведения величайшего современного художника. Когда мы положим на весы с одной стороны все то высокое, что было написано и еще пишется и печатается об искусстве и культурной деятельности Н.К., а с другой — совершенный вандализм и побудительные к нему причины, то размер преступного замысла станет ясен. Каждое преступление оценивается по его следствиям. Велики будут следствия такого преступления! Если мы перечтем правдивую историю культуры и мысли человечества, то увидим, что каждое преступление, совершенное против просвещения, против внесения Света, приносило человечеству неисчислимые бедствия и прежде всего той стране и тому народу, которые их допустили... Не лишено справедливости речение, что за некоторое злодеяние одного человека страдает целый народ... Умолчавшие и отказавшие в помощи, хотя бы малейшей, не будут ли такими соучастниками? Помните, как было уже Сказано, что там, где допущено оскорбление и умаление носителя Света, там спросят со всей страны... Еще раз хочу спросить — неужели могут быть такие наивные и близорукие люди, которые подумают, что содеянное Хоршем злодейство зарастет бльем и через два-три года никто уже не вспомнит о нем? Неужели кто-то на минуту может допустить мысль, что Музей и дела, начатые с чистым устремлением к Общему Благу, могут быть уничтожены без тяжких последствий? Нет, подойдут сроки, и вся преступность предателей станет явной... По многим причинам сами мы не даем огласки, также хотим, чтобы сначала высказалась Америка. Ведь плоды многолетнего зрелого творчества были отданы Америке... **Весь процесс Музея есть пробный камень для Америки!»²⁵.**

---

²⁵ Письмо Е.И.Рерих от 2 июня 1938 г.

Тем не менее такое неслыханное злодеяние стало возможным. И его допустила именно та страна, о которой Николай Константинович так прекрасно писал, для которой сделал так много...

«Родные, на последних ступенях сердце должно узнать страдания и должно суметь достойно принять их; таков неумолимый закон, — писала Елена Ивановна в Америку, стараясь подбодрить отчаявшуюся Зину, чьи силы также были на пределе. — Но после такой голгофы следует вознесение духа, потому мы знаем, что переживаемое нами время закончится победой для всех претерпевших до конца»²⁶.

Полученные удары не могли не подорвать здоровье Н.К. Его самочувствие становилось все хуже и хуже, несмотря на целебную атмосферу Гималайских гор. «Только полный невежда не может представить себе, что значит явиться свидетелем разрушения и уничтожения своего долголетнего творчества!»²⁷ — с горечью напишет Елена Ивановна, обеспокоенная его постоянными недомоганиями. В своих «Листах дневника», написанных в последние годы жизни, Николай Константинович постоянно мысленно обращается к Америке, так и не понимая, почему страна, когда-то сердечно принявшая и приветствовавшая его, вдруг, по мановению какой-то злой силы, допустила такое чудовищное злодеяние и вандализм. В 1947 году он серьезно заболевает, и в декабре его жизненный путь заканчивается. «Сердце его не выдержало количества яда, порождаемого обезумевшим человечеством, не выдержало последних нагнетений и лютой тоски за утеснение всего культурного, несущего спасение подрастающему поколению», — напишет Елена Ивановна, сокрушенная утратой любимого мужа, друга и сподвижника.

«С его уходом еще полнее утвердилась моя оторванность от всего личного и земного, — напишет она несколько месяцев спустя, — осталось лишь ярое желание довести все собранные сокровища и передать что возможно голодным душам». В январе 1948 г. Елена Ивановна вместе с Юрием Николаевичем Рерихом покидают долину Кулу и после непродолжительного пребывания в Дели и Кхандале (местечке неподалеку от Бомбея) поселяются в небольшом городке Калимпонге на склонах Восточных Гималаев. Ее работа продолжалась — велись записи бесед с Учителем, приходили письма от сотрудников рериховских организаций. До последнего дня Елена Ивановна надеялась вернуться, довести на Родину все собранные сокровища и хотя бы несколько лет поработать для Новой Страны — так она называла Россию. Мотив возвращения на Родину ясно звучит в ее письмах последних лет, но это возвращение так и не состоялось. 5 октября 1955 года она ушла из жизни.

Кэтрин Кэмпбелл, одной из «претерпевших до конца» сотрудниц, все же удается отстоять свои права на часть картин, захваченных предателями. А в 1949 году ее друг Балтазар Боллинг выкупает у Хоршей часть полотен Николая Рериха. «Я счастлива, — писала ему по этому поводу Е.И.Рерих, — ибо Вы

---

²⁶ Письмо Е.И.Рерих в Америку от 15 февраля 1938 года

²⁷ Письмо Е.И.Рерих от 21 января 1939 г.

будете любить их и они явятся для Вас истинным Благословением. Аура, окружающая их, чудодейственна. Они создавались в любви и почитании, которыми было исполнено сердце творца их, — сердце поэта и художника»²⁸. Благодаря Кэтрин и Балтазару Музей Рериха в Нью-Йорке обрел не только новую жизнь, но и новый дом, купленный в верхней части города (309 West, 107 East Street). Это произошло в 1949 году, уже после ухода из жизни Николая Константиновича Рериха.

Интересно, что в то время как Кэтрин подарила «спасенные» ею картины возрожденному Нью-Йоркскому Музею, Елена Ивановна настойчиво рекомендовала Боллингу оставить купленные им картины у себя. «Вы правы, полагая, что Ваша миссия — защитить картины, которые были вдохновлены Вел[иким] Вл[адыкой], — писала она. — Они должны быть сохранены как *Ваша личная* коллекция. Вел[икий] Вл[адыка] шлет Вам свое Благословение и признательность за Вашу помощь в Его Трудах»²⁹. Казалось бы, почему? Разве не являлось восстановление варварски разграбленного Музея ее заветной мечтой и целью? А быть может, уже тогда, в далекие 1950-е годы Елена Ивановна предвидела и другую возможность, связанную с возвращением бесценных сокровищ искусства той стране, для которой и во имя которой они и создавались, к которой были устремлены все помыслы и устремления?

«“Музей Р[ериха] будет возвращен“, — читаем в ее письмах к Боллингу, — но я еще не знаю как. Думаю, что все свершится, *как обычно* в делах Великих Учителей, самым неожиданным путем»³⁰. Обратите внимание, что эти строки были написаны в 1950 году, когда возрожденный Музей *уже начал свою работу*. Эту версию подтверждают и следующие ее высказывания: «...Конечно, Великий Владыка имеет План, как собрать картины, как создать Памятник такому исключительному Художнику, Мыслителю и представителю великой человечности в эпоху наибольшей бесчеловечности»³¹. «Рерих Фаундейшен, конечно, получит основание и развитие в своей стране. Хорошо, что Дедлей уже думал о таком учреждении, но развитие его нуждается в совершенно иной обстановке»³².

К сожалению, о Кэтрин Кэмпбелл, а ее в этой истории очень хочется выделить особо, известно не так уж и много. Архивные фотографии, хранящиеся в разделе «Друзья и сотрудники Рерихов», запечатлели женщину удивительной красоты, чей облик исполнен одухотворенности и внутренней глубины. Ее прекрасные портреты кисти Святослава Николаевича Рериха невольно завораживают глаз. В одном из писем Елены Ивановны мы встречаем слова о священном ручательстве «преданности тому другу, который первым показал вам путь». Таким другом для Кэтрин стал Святослав Николаевич, с которым они познакомились в 1925 году в Нью-Йорке. В 1929 году она впервые

---

²⁸ Письмо Е.И.Рерих Б.Боллингу от 18 марта 1949 г.

²⁹ Письмо Е.И.Рерих Б.Боллингу от 24 декабря 1950 г.

³⁰ Письмо Е.И.Рерих Б.Боллингу от 16 января 1950 г.

³¹ Письмо Е.И.Рерих З.Г.Фосдик от 28 ноября 1950 г.

³² Письмо Е.И.Рерих З.Г.Фосдик от 1 января 1952 г.

встречается с Николаем Константиновичем Рерихом. Личность великого художника и его благородные культурные идеи пробуждают в ее душе глубокое уважение и почтение. Однако ее серьезное приближение к Учению, по-видимому, началось в начале 1930-х годов, ибо в письме от 8 декабря 1931 г. Елена Ивановна обращается к Кэтрин как к «новому члену нашей общины» и отвечает на ее вопрос о том, какого направления деятельности лучше придерживаться.

После себя она не оставила ни мемуаров, ни воспоминаний ни о своей жизни, ни о своих Учителях, ибо считала, что сокровенные чувства невозможно передать на бумаге. Однако далеко не все в жизни «богатой и красивой» американки складывалось благополучно — в 1944 году она теряет своего единственного сына Спенсера, ушедшего добровольцем на фронт. Известно также, что она принимала участие в издании первых переводов книг Учения и английской редакции «Писем Елены Рерих». В 1950 году Кэтрин впервые приезжает к Елене Ивановне в Калимпонг и проводит там два месяца. «Глубоко восприняла она вибрации наших гор, — было написано Еленой Ивановной после ее отъезда, — и жизнь ее получила новый смысл, новое богатство сознания. Я счастлива за нее. Она сотрудница верная». «Кэтрин вернется обратно к нам, ибо имеет особое поручение в связи с будущим построением научной станции. Когда это удастся, трудно сказать, судя по ближайшим обстоятельствам. Мы ее очень оценили и полюбили. Много в ней великодушия и незлобивости. Она будет сотрудничать со Свет[иком] и его женой». Второй приезд Кэтрин состоялся в 1951 году — на этот раз она приехала вместе со своей старой подругой Гизелой Ингеборг Фричи, также принимавшей самое деятельное участие в делах Музея. «Знакомство с ними, — пишет Елена Ивановна, — дало мне много радости и явило новую красоту в человеческих отношениях. Никогда не ожидала встретить такой огонь в Кэтрин, такое желание оявиться на Служении В[еликому] Вл[адыке], и яро она ловит малейшее Указание от Вел[икого] Вл[адыки]». «Радуюсь Вашей (письмо адресовано З.Г.Фосдик — Т.К.) дружбе с Кэтрин — это совершенно необходимо. Новое Построение будет держаться Вашим Единением». До последних дней Елена Ивановна продолжает вести с ними регулярную переписку, следя за ходом их работы и передавая личные указания Учителя. Любопытно, что в отличие от Кэтрин, с которой Елена Ивановна особенно сблизилась в последние годы жизни, Зинаида Фосдик так и не получает от нее приглашения приехать к ней в Калимпонг. Правда, Елена Ивановна уверена, что с Зиной они обязательно встретятся и поработают в Новой Стране, то есть в России.

Но вернемся к возрожденному Музею. В его коллекции в настоящее время находится более 250 полотен Мастера. Зинаида Григорьевна Фосдик, Верный Страж, оставалась его бессменным директором. Она прожила долгую жизнь и покинула этот мир в 1983 году в возрасте 94 лет. Кэтрин Кэмпбелл также принимала самое деятельное участие в судьбе своего детища. Вплоть до своей смерти в августе 1996 года она входила в состав Совета Директоров Музея и

оказывала ему постоянную материальную поддержку. Проводя значительную часть своего времени в Швейцарии, она также возглавляла Женевское рериховское общество «Корона Мунди», занимающееся изданием книг Учения, трудов Н.К.Рериха и репродукций его картин.

Мастер-Институт, оккупированный предателями, превратился в обычную картинную галерею, его возглавила «покровительница искусств» Нетти Хорш, а позднее — ее подросшая дочь Ориола, ставшая художницей. Луис Хорш по-прежнему занимался бизнесом и ушел из жизни в 1979 году в возрасте 90 лет. Он и его жена пережили своего сына Флавия, который был застрелен в здании Мастер-Института на Riverside Drive в 1975 году. Вот что пишет об этом известный исследователь творчества семьи Рерихов П.Ф.Беликов: «...В шестидесятых годах [Флавий] Хорш испытывал большие финансовые затруднения и ликвидировал часть своего имущества, а в начале этого года его застрелили в подвале того самого небоскреба, который незаконным путём присвоил его отец. У меня имеются по этому поводу выписки из американской прессы. Так Карма ткёт свои сложные узоры...»³³ Интересно, что в 1960 году Флавий Хорш хотел продать картины Н.К.Рериха Третьяковской галерее и, как пишет Беликов, «запросил за них какую-то бешеную цену. Министерство культуры обратилось к нему с вопросом, откуда у Хорша столько картин, и С.Н.[Рерих] рассказал им историю с Хоршем-отцом. Сказал при этом, что, конечно, хорошо бы эти картины иметь в Советском Союзе, но платить за них такие деньги — значит поощрять воровство. Безусловно, и само Министерство культуры никогда не получило бы на эту покупку столько валюты...»³⁴.

По иронии судьбы «агент-provokator» Эстер Лихтман закончила свою жизнь именно в богадельне, которой когда-то так опасалась. Это произошло в середине 1980-х годов в американском штате Коннектикут. Говорят, что она совершенно ослепла и превратилась в полного инвалида. Вот уж для кого долгая жизнь явилась проклятием!

До конца своих дней все они — и Эстер, и супруги Хорш — пребывали в полной уверенности, что служат Учителю. Давайте еще раз перечитаем строки Е.И., сказанные ею о предателях: «...Обратите внимание, как, кощунственно понося все, исходившее и исходящее через нас, они в то же время всячески подчеркивают свое величайшее почитание и преданность Высшему Источнику. Ведь эти безумцы думают, что, кланяясь Высшему Источнику, и в то же время предавая Доверенных Его, они тем самым *страхуются от кармы!*» Странно, но эта уверенность каким-то поистине магическим путем влияла на незрелые умы и слабые сердца тех, кто попадал в сферу их влияния. Не избежал этого «очарования» и человек, сменивший З.Г.Фосдик на посту директора Музея и совершенно искренне считающий себя ее учеником. Так, в 2001 году, запросив Музей Николая Рериха в Нью-Йорке относительно биографических данных некоторых лиц, фигурирующих в письмах Е.И.Рерих, я получила от него следующий ответ, а точнее небольшой рассказ о встрече с Нетти Хорш: «Nettie

³³ Письмо П.Ф.Беликова Е.П.Маточкину от 29 октября 1975 г.

³⁴ Письмо П.Ф.Беликова Е.П.Маточкину от 29 октября 1975 г.

was always considered here to be more victim than perpetrator. She was loyal to her husband, but everyone had loved her and did not blame her. During our visit, communication was difficult, because she was already moving into a senile state, but it was clear that her loyalty to the Teaching was still alive» (электронное письмо от 3 сентября 2001 г.)³⁵. Получалось, что это придирчивые Рерихи считали (очевидно, несправедливо) Нетти предательницей, а вот *здесь*, то есть в свободной державе, это была милейшая женщина, преданная своему мужу и Учению!!! (Поневоле вспоминаешь язвительные комментарии М.Задорнова по поводу непостижимого американского менталитета.)

Как когда-то с горечью писала Елена Ивановна о процессе: «Истинное значение дела осталось не понятым», так и спустя шесть десятилетий, когда история предательства неожиданно получила свое продолжение, но уже с новыми действующими лицами — я имею в виду незаконную и преждевременную публикацию сокровенных дневников Е.И.Рерих, осуществленную московским издательством «Сфера» при содействии Музея Николая Рериха в Нью-Йорке в 2002 году, — мы столкнулись с тем же самым — полным отсутствием понимания сути дела в самом рериховском движении. Многие рериховцы так и не поняли, что, собственно, произошло. Кто-то недоумевает, почему его оторвали от блаженного созерцания полотен или чтения книг. Кто-то сводит проблему к простому противостоянию двух организаций, не сошедшихся во взглядах и что-то не поделивших. Кто-то считает, что в наши дни торжества демократии и свободы слова все можно, все дозволено. В связи с решительным протестом МЦР против этого вопиющего вандализма, совершаемого не кем-нибудь, а... *директором* Музея, носящего имя Николая Рериха, хранителем вверенного ему наследия, и главным редактором издательства, отвечающим за публикацию этого наследия, в сети Интернет и в СМИ появился ряд публикаций в защиту вышеупомянутых организаций и их лидеров — г-на Д.Энтина и Д.Н.Попова. О самой же Елене Ивановне, Авторе манускриптов, в пылу страстей и перечисления своих прав и заслуг на поприще духовно-культурного строительства почему-то все забыли: и, в первую очередь, те, для кого ее Слово и Воля должны быть Законом с Большой буквы... В адрес МЦР приходят недоуменные письма от рериховцев — «Если «Сфера» искадила дневники Е.И.Рерих до неузнаваемости — нам-то что делать? Подскажите. Когда вы сами их опубликуете?». Ну что ответить на этот *si de souer*? Пожелать людям долгой жизни — обидятся... На одном из сайтов устраиваются настоящие философско-филологические дебаты по поводу того, какой смысл вложила Елена Ивановна в слово «вероятно», делясь с З.Г.Фосдик размышлениями по поводу сроков публикации своих записей. Их участники совершенно забывают о том, что «вероятно» может трактоваться не только как «вероятно, это произойдет и раньше», но и с точностью до наоборот, а также начисто игнорируют тот факт, что передавая бесценное наследие своих

---

³⁵ «Нетти всегда считали здесь скорее жертвой, нежели злоумышленницей. Она была предана своему мужу, но все любили ее и не осуждали. Во время нашей встречи общаться было непросто, ибо она уже впала в старческое слабоумие, но было ясно, что ее преданность Учению все еще жива» (англ.).

родителей созданной им в России организации Святослав Рерих НЕ МОГ НЕ УЧЕСТЬ все пожелания, высказанные Еленой Ивановной по поводу самого для нее дорогого.

В этом контексте о Святославе Николаевиче Рерихе нужно сказать особо. В лучшем случае его выставляют наивным и немощным стариком, бессовестно обманутым Л.В.Шапошниковой — его доверенным лицом, получившим в 1990 г. Наследие и возглавившим Центр-Музей имени Н.К.Рериха. В худшем — человеком, который вообще не имеет никаких прав на архивы, картины и прочее имущество своих родителей. Впрочем, судите сами...

В письме Д.Энтина вице-президенту МЦР В.Б.Моргачеву от 31 января 2002 г., в котором директор нью-йоркского музея отстаивает авторские права своей организации на дневниковые записи Е.И.Рерих, есть следующие строки: *«Однако возможна некоторая путаница в связи с волеизъявлениями С.Н.Рериха, которые не всегда были последовательны и ясны. Иногда он заявлял или передавал права, которых на самом деле не имел»*. Читая этот отрывок, хочется воскликнуть: воистину, бумага все стерпит! Это Владыка М. называл Святослава Николаевича «Махатмой Люмоу», а вот нынешний директор «старейшей в мире, основанной еще старшими Рерихами, международной рериховской организации» в грош его не ставит!

Несколько лет назад под редакцией Д.Энтина в том же издательстве вышли дневники З.Г.Фосдик «Мои Учителя». Книга, бесспорно, интересная для всех исследователей рериховского наследия и действительно, как утверждают ее составители, способная сломать «наши вольные, но уже успевшие затвердеть умозрительные представления». Вот только какие? — О том, что надо чтить Иерархию Света? О том, что человеку свойственно стремиться к идеалам? О том, что публиковать личные дневники, писавшиеся автором исключительно «для себя» и отразившие совершавшееся в далекие 1920—1930-е годы сквозь призму далеко не совершенного восприятия, мягко говоря, *неэтично?* Спрашивается, для чего составители включили в издание достаточно подробно освещенные трения между старшими Рерихами и их молодыми сыновьями (особенно со Святославом Николаевичем), освещенные, заметим, с позиции Зинаиды Григорьевны, ведущей *личный* дневник. Зачем это делается? Нет ли здесь какой-то скрытой, непонятной нам логики, последовательности рассуждений, призванных как бы исподволь подготовить читателя к тому, что Святослав Николаевич — всего лишь эксцентричный сын знаменитых родителей, которому все легко давалось, в то время как другие напряженно трудились...

Корни этого ядовитого растения уходят в те далекие тридцатые годы, о которых только что шла речь. В этой позиции, занятой директором нью-йоркского Музея и его приближенными, явственно слышатся отголоски хоршевского: «Вы во всем попустительствуете Вашим обоим сыновьям» или лихтмановского: «В отличие от нас Юрий и Святослав жили в удобстве, занимались своей работой и делались знаменитыми»... Здесь уместно упомянуть и о судьбе «третьего листа» чистой бумаги с подписью Елены

Ивановны Рерих, увезенного Эстер из Кулу в начале 1935 года. Если первые два легли на стол самого президента США, то третий оказался у Кэтрин Кэмпбелл, будучи любезно отправлен ей Нетти Хорш «для осведомления». Из него сделали письмо, адресованное Нетти и полученное ею якобы еще в 1934 году, до разрыва. В этом «строго конфиденциальном» послании Елена Ивановна передавала Нетти Слова Владыки о Кэтрин Кэмпбелл и Святославе: «The path of Mahatma Lumou is not with her. Her karma is a difficult one, for behind her are dark shadows. All intimacies must be stopped»³⁶. Заметим, что слово *intimacies*, употребленное в письме, имеет много значений — от дружеских тесных отношений до любовной связи. К этому «конфиденциальному» письму Нетти не удержалась приложить еще один фрагмент, правда на сей раз подпись Елены Ивановны на странице отсутствовала. Однако это не помешало ей выдать фрагмент так же за выдержку из письма Е.И.Рерих от 14 апреля 1934 г. «In full confidence I am writing to you that I'm told to gradually liberate Lumou from Amrida in accordance with this indication received from the Lord for you too»³⁷. Интересно, что в октябре 1937 года Эстер Лихтман приходит в офис мужа Кэтрин, чтобы сообщить ему «нечто важное», намекая на то, что затеянное его супругой судебное дело выведет его имя на нежелательную огласку. Г-ну Кэмпбеллу показали оба «документа» и любезно осведомили о том, что Кэтрин якобы оплачивала квартиру Святослава Рериха во время пребывания последнего в Нью-Йорке. После этой встречи доселе равнодушный к судебным делам своей супруги г-н Кэмпбелл резко меняет свое отношение и всячески поддерживает действия Кэтрин — нетрудно догадаться, каких гадостей ему наговорили и в каком контексте было употреблено слово *intimacies*.

Увы, тысячу раз права была Елена Ивановна, когда писала еще в 1935 году, «что трое тесно связанных между собою сотрудников особенно не любят Люм[оу], и Ваше сердце должно подсказать вам причину этой неприязни. Возможно, он был свидетелем слишком многих вещей. На репутацию Лю[моу] была брошена тень, и с тех пор эта тень всячески поддерживалась и навевалась там, где это казалось выгодным»³⁸. Эта мрачная тень показывается на горизонте и десять лет спустя. Мы не знаем, что именно произошло на сей раз, однако в 1946 году Елена Ивановна отправляет Зине следующие строки: «...Прошу Радночку везде и где возможно защищать моего Светика, который был назван Владыкой «Махатма Люмоу»»³⁹.

Сейчас история повторяется. Чтобы оправдать свое невежество, свое ощущение вседозволенности и аморальные действия, директору нью-йоркского Музея и его подпевалам оказывается выгодным бросить тень на Великого человека, который действительно *видел* и *понимал* слишком многое, что

---

³⁶ Архив МЦР. Дело №1195. С. 53. («Путь Махатмы Люмоу не с ней. Ее карма трудная, ибо за ней — черные тени. Все интимности должны быть прекращены».)

³⁷ Там же. С. 52 («Совершенно доверительно пишу Вам о том, что мне было сказано постепенно освободить Люмоу от Амриды согласно этому указанию, полученному от Владыки и имеющему в виду Вас также».)

³⁸ Письмо Е.И.Рерих К.Кэмпбелл от 9 июля 1935 г.

³⁹ Письмо Е.И.Рерих от 12 июля 1946 г.

творилось в пространстве рериховского движения... Так же, как когда-то ослепленной Эстер Лихтман, им просто не приходит в голову, что Учителя никогда не будут нарушать установленную Ими Иерархическую линию. И, как было сказано, что «только *невежда* или *враг* Бел[ого] Бр[атства] может *низвергать* Щиты Доверенных».

Зачем понадобилось исключать из трехтомника «Писем Елены Рерих в Америку», изданного, опять же, под надзором г-на Энтина, практически все письма, имеющие отношение к судебному процессу? Не потому ли, что они раскрывают истинную позицию Елены Ивановны по отношению к краже ее манускриптов, к разгрому культурного строительства, к преступному равнодушию Америки...

А ведь позиция Елены Ивановны по этому вопросу была совершенно однозначной — запечатлеть все подробности чудовищного преступления для будущих поколений: «Понимаю, что тяжело собирать материалы и записывать историю мошенничества и предательства апостатов, — пишет она Зине, — но сделать это совершенно необходимо... Можно представить себе, как будут интересоваться в недалеком будущем малейшими подробностями в истории учреждений в связи с неслыханным мошенничеством и предательством апостатов»⁴⁰. В архиве Центра-Музея имени Н.К.Рериха хранится немало материалов, связанных с процессом «Рерихи против Хоршей» и способных пролить свет на эту трагическую и во многом еще не ясную историю, разыгравшуюся в США в 1930-е годы, в частности, письма самой Зинаиды Григорьевны Лихтман (Фосдик), подробно извещавшей Елену Ивановну о подробностях процесса, переписка с адвокатами, многотомные протоколы судебных заседаний, которые будут переведены в ближайшие годы. Эта публикация — всего лишь первый шаг на этом пути.

---

⁴⁰ Письмо Е.И.Рерих от 1 мая 1941 г.